

ДЕДУШКА ИОСИФ

Повесть о вере, звёздах
и дороге к Иисусу Христу

Токарев Андрей

Андрей Токарев

**Дедушка Иосиф Повесть о вере,
звёздах и дороге к Иисусу Христу**

«Автор»

2026

Токарев А.

Дедушка Иосиф Повесть о вере, звёздах и дороге к Иисусу Христу
/ А. Токарев — «Автор», 2026

Одиннадцатилетний Давид любит слушать рассказы своего дедушки Иосифа. Вечерами у костра старик открывает внуку историю, которая началась много десятилетий назад, — историю его встречи с Иисусом Христом. Вместе с дедушкой Давид словно переносится на дороги Галилеи и Иудеи: слышит слова Иисуса, становится свидетелем Его чудес, узнаёт о первых учениках, апостоле Павле и событиях, приведших Иоанна на остров Патмос. Библейская история постепенно перестаёт быть для мальчика далёким прошлым и становится личным разговором о вере, любви, прощении, выборе и надежде. «Дедушка Иосиф» — историческая повесть для детей, подростков и семейного чтения, соединяющая библейские события с художественным повествованием. Это книга о том, как вера передаётся от поколения к поколению и как рассказ одного дедушки может помочь внуку найти собственную дорогу к Иисусу Христу.

© Токарев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПОСВЯЩЕНИЕ	5
Содержание	9
Глава 1. Рассказ начинается	12
Глава 2. Восемьдесят лет спустя	21
Глава 3. Голос в пустыне	26
Глава 4. Иисус приходит к Иордану	36
Глава 5. Сорок дней	42
Глава 6. РЫБАКИ ГАЛИЛЕИ	51
Глава 7. Я УВИДЕЛ ЕГО	55
Глава 8. НА ГОРЕ	59
Глава 9. СЧАСТЛИВЫ ПЛАЧУЩИЕ?	64
Глава 10. СОЛЬ И СВЕТ	69
Глава 11. ЕСЛИ ТЕБЯ УДАРИЛИ	73
Глава 12. МОЛИТВА, КОТОРУЮ ОН ДАЛ НАМ	78
Глава 13. ГДЕ ТВОЁ СОКРОВИЩЕ?	83
Глава 14. НЕ СУДИ	88
Глава 15. ДОМ НА КАМНЕ	93
Глава 16. ПРИКОСНОВЕНИЕ	97
Глава 17. БУРЯ	101
Глава 18. ПОЧЕМУ ОН ЕСТ С ГРЕШНИКАМИ?	105
Глава 19. ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ СНОВА ОТКРЫЛА ГЛАЗА	109
Глава 20. ОВЦА, КОТОРАЯ ПОТЕРЯЛАСЬ	114
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Андрей Токарев

Дедушка Иосиф Повесть о вере, звёздах и дороге к Иисусу Христу

ПОСВЯЩЕНИЕ

Моему любимому сыну Марку Токареву

Сынок, сегодня тебе девять лет.

Когда-то и я был мальчиком. Мне было восемнадцать лет, я служил в армии и оказался в госпитале. Именно там, лёжа на больничной койке, я взял обычную тетрадь и ручку и начал писать историю о мальчике Давиде и его дедушке Иосифе.

Я не был писателем. Не был историком. Не знал древних языков и не понимал многих особенностей жизни людей, населявших Иудею две тысячи лет назад.

Но мне очень хотелось рассказать об Иисусе Христе.

Так появилась моя первая незаконченная книга.

Прошло девятнадцать лет.

Тетрадь осталась в прошлом, а история — нет.

Сегодня мне тридцать семь лет. У меня есть ты. И однажды я вспомнил того восемнадцатилетнего солдата, который писал в тетради о дедушке Иосифе, маленьком пастухе Давиде, овцах, звёздах и Христе.

Я решил вернуться к этой истории. Но теперь я пишу её для тебя.

Мне хочется, чтобы вместе с Давидом ты прошёл по каменистым дорогам древней Иудеи, сидел ночью возле костра, смотрел на звёзды, слышал овец и слушал старого Иосифа.

А главное — чтобы вместе с Давидом ты узнавал Иисуса.

Я не знаю, какие дороги ждут тебя впереди. Ты будешь взрослеть, задавать вопросы, искать ответы и самостоятельно принимать самые важные решения своей жизни.

Поэтому я не хочу просто сказать тебе, во что ты должен верить. Я хочу рассказать тебе историю.

Историю Иисуса Христа.

Так, как когда-то мечтал рассказать её детям восемнадцатилетний солдат с ручкой и тетрадью.

А дальше, сынок, слушай вместе с Давидом. Задавай вопросы вместе с ним. И ищи ответ на самый главный вопрос этой книги:

Кто для тебя Иисус Христос?

С любовью,

твой папа, Андрей Токарев

ОТ АВТОРА

Эта повесть началась не сегодня.

Девятнадцать лет назад у неё уже были первые страницы.

Мне было восемнадцать лет. Я служил в армии и оказался в госпитале. Там, лёжа на больничной койке, я взял обычную тетрадь и ручку и начал писать.

Я не был писателем. Не был историком. Не знал древних языков. Я почти ничего не понимал в истории иудаизма времён Второго Храма и раннего христианства.

У меня была только тетрадь, ручка и желание рассказать историю.

В моём воображении появился одиннадцатилетний мальчик по имени Давид. Он жил неподалёку от Вифлеема, пас овец среди каменистых Иудейских холмов и любил смотреть на звёзды.

А рядом с ним был дедушка Иосиф.

Я представлял его старым человеком, который когда-то слышал Иисуса Христа и поверил Ему. Теперь, спустя годы, сидя с внуком возле костра, Иосиф рассказывал мальчику о Христе.

Мне хотелось пересказать ребёнку Евангелие. Но не языком учебника. Мне хотелось, чтобы ребёнок почувствовал эту историю.

Поэтому в той тетради для меня были важны закаты. Горы. Огонь. Запах сухой травы и овечьей шерсти. Тёмные Вифлеемские холмы. Холод ночи после жаркого дня. И огромное звёздное небо над головой маленького пастуха.

Я хотел посадить читателя рядом с Давидом возле костра. Чтобы он тоже слушал дедушку Иосифа.

Та первая книга осталась незаконченной.

Прошло девятнадцать лет.

Теперь я возвращаюсь к ней уже другим человеком.

Сегодня я занимаюсь изучением древнего иудаизма и раннего христианства, интересуюсь историческим миром Библии и изучаю древнееврейский язык.

Поэтому, возвращаясь к своей юношеской тетради, я хочу сохранить её сердце, но внимательнее отнестись к миру, в котором происходит повесть.

Мне важно увидеть Иудею не декорацией. Как выглядел Вифлеем? Что лежало на столе простой семьи? Как пахло внутри дома, освещённого масляной лампой? Как пастух проводил ночь со стадом? Что слышал человек, входивший в Иерусалим? Что чувствовал еврейский мальчик, впервые увидев Храм? Как люди говорили о римской власти? Как звучали слова Писания для человека, выросшего в еврейской семье две тысячи лет назад?

Я хочу, чтобы всё это окружало Давида.

Но эта книга не является учебником по истории древнего иудаизма. И не древнееврейский язык является её главной темой.

В центре этой книги — Иисус Христос.

Основной евангельской дорогой повести станет Евангелие от Матфея.

Дедушка Иосиф будет рассказывать его своему внуку. Иногда Давид будет понимать дедушку. Иногда — нет. Он будет перебивать его. Спрашивать. Сомневаться. Бояться. Иногда слова Иисуса покажутся ему странными. Иногда прекрасными. А некоторые он поймёт только после того, как сам переживёт что-то похожее.

Я не хочу, чтобы Давид уверовал потому, что автор приказал ему уверовать. Мне хочется пройти вместе с ним весь путь.

В начале книги Иисус для него — Человек, о Котором постоянно говорит дедушка. Потом Давид услышит Его слова. Узнает Его поступки. Увидит человеческую боль. Столкнётся с вопросом о Мессии. Услышит о кресте. И однажды перед ним встанет вопрос, который нельзя будет оставить только дедушкиным:

«А кто Иисус для меня?»

Девятнадцать лет назад я хотел рассказать ребёнку Евангелие. Сегодня эта цель не изменилась.

Изменилась только моя ответственность перед историей, текстом Писания и читателем.

Эту книгу я посвящаю своему сыну Марку.

И если однажды ребёнок закроет последнюю страницу этой повести, а потом ещё немного посидит в тишине и сам захочет узнать Иисуса Христа — значит, старая тетрадь восемнадцатилетнего солдата была написана не напрасно.

А теперь вернёмся на две тысячи лет назад.

Туда, где над Вифлеемскими холмами уже заходит солнце. Где овцы собираются на ночь. Где мальчик по имени Давид садится возле огня. И где старый Иосиф собирается рассказать внуку об Иисусе.

ВСТУПЛЕНИЕ

Ночь над Вифлеемом

Сначала исчезло солнце.

Оно медленно опустилось за Иудейские холмы, и ещё некоторое время край неба оставался красным.

Камни сохраняли дневное тепло.

Воздух пах сухой землёй, травой и овечьей шерстью.

Потом красная полоса над холмами погасла.

Пришла ночь.

Не та ночь, которую знают люди нашего времени.

Две тысячи лет назад возле Вифлеема не было электрических фонарей. Не светились окна многоэтажных домов. По дорогам не двигались машины. Далёкие города не окрашивали небо своим светом.

Когда уходило солнце, становилось темно.

По-настоящему темно.

Человек зажигал небольшую масляную лампу в доме или разводил огонь под открытым небом.

А над землёй появлялись звёзды.

Сначала одна.

Потом другая.

Ещё одна.

И вскоре всё небо было заполнено ими.

На одном из склонов неподалёку от Вифлеема горел маленький костёр.

Вокруг него начинался огромный тёмный мир.

Где-то внизу проходила дорога. Днём по ней двигались путники, торговцы и люди с выючными животными. Некоторые шли в сторону Иерусалима.

Иерусалим был совсем недалеко.

Там возвышался Храм.

Туда приходили паломники.

Там служили священники.

Там спорили учителя.

Там стояли римские воины.

Рим властвовал над этой землёй, и даже ребёнок постепенно учился понимать, почему взрослые иногда понижали голос, говоря о налогах, солдатах и свободе Израиля.

Но здесь, среди холмов, всё это казалось далёким.

Сейчас были только ночь и стадо.

Овцы сбились ближе друг к другу.

Иногда одна из них переступала по камням.

Из темноты доносилось:

— Бе-е...

Другая отвечала ей.

Потом снова становилось тихо.

Возле огня сидели двое.

Старик и мальчик.

Старика звали Иосиф.

Огонь освещал его седую бороду и глубокие морщины возле глаз.

Мальчика звали Давид.

Ему было одиннадцать лет.

Днём он ходил по этим холмам с пастушеским посохом, искал для овец траву и воду, ругался на самых упрямых животных, ел хлеб, который давала ему мать, и мечтал увидеть места, находившиеся за знакомыми холмами.

Через два года от него будут ждать уже большей ответственности за заповеди и жизнь среди своего народа.

Но пока ему одиннадцать.

И сегодня его интересует совсем другой вопрос.

Давид сидел, прижавшись к дедушке.

Ночь становилась холоднее.

Иосиф расправил край своего плаща и укрыл им плечи внука.

Давид поднял голову.

Над ними были тысячи звёзд.

Он долго смотрел на них.

— Дедушка...

— Что, Давид?

— Авраам видел эти звёзды?

Иосиф тоже посмотрел вверх.

— Эти, Давид.

— Те же самые?

— Те же.

Мальчик задумался.

Авраам жил так давно, что представить его было почти невозможно.

А звёзды остались.

Давид придвинулся к дедушке ещё ближе.

Костёр потрескивал.

Искра поднялась в воздух и исчезла в темноте.

— Дедушка...

— Что ещё?

Давид немного помолчал.

Потом произнёс имя, из-за которого взрослые в его доме иногда начинали спорить:

— Расскажи мне об Иисусе.

Иосиф не ответил сразу.

Он смотрел в огонь.

Мальчик ждал.

Наконец старик положил руку ему на плечо.

— Хорошо, Давид.

Он подбросил в костёр сухую ветку.

Пламя поднялось выше.

— Тогда слушай.

И в ту ночь под звёздами начался рассказ, который изменил жизнь мальчика.

Спустя восемьдесят три года Давид всё ещё будет помнить этот костёр.

Потому что тогда ему было одиннадцать.

И он ещё не верил в Иисуса Христа.

Он только начинал Его узнавать.

Содержание

Глава 1. Рассказ начинается —	14
Глава 2. Восемьдесят лет спустя —	30
Глава 3. Голос в пустыне —	40
Глава 4. Иисус приходит к Иордану —	58
Глава 5. Сорок дней —	69
Глава 6. РЫБАКИ ГАЛИЛЕИ —	84
Глава 7. Я УВИДЕЛ ЕГО —	91
Глава 8. НА ГОРЕ —	99
Глава 9. СЧАСТЛИВЫ ПЛАЧУЩИЕ? —	107
Глава 10. СОЛЬ И СВЕТ —	115
Глава 11. ЕСЛИ ТЕБЯ УДАРИЛИ —	122
Глава 12. МОЛИТВА, КОТОРУЮ ОН ДАЛ НАМ —	131
Глава 13. ГДЕ ТВОЁ СОКРОВИЩЕ? —	140
Глава 14. НЕ СУДИ —	149
Глава 15. ДОМ НА КАМНЕ —	157
Глава 16. ПРИКОСНОВЕНИЕ —	164
Глава 17. БУРЯ —	170
Глава 18. ПОЧЕМУ ОН ЕСТ С ГРЕШНИКАМИ? —	177
Глава 19. ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ СНОВА ОТКРЫЛА ГЛАЗА —	184
Глава 20. ОВЦА, КОТОРАЯ ПОТЕРЯЛАСЬ —	193
Глава 21. КТО ВЫ ГОВОРИТЕ, ЧТО Я? —	200
Глава 22. НА ВЫСОКОЙ ГОРЕ —	208
Глава 23. ЕСЛИ БРАТ СОГРЕШИЛ ПРОТИВ ТЕБЯ —	216
Глава 24. ДЕТИ ВОЗЛЕ ИИСУСА —	225
Глава 25. БОГАТЫЙ ЮНОША —	232
Глава 26. ДОРОГА В ИЕРУСАЛИМ —	241
Глава 27. ЦАРЬ НА ОСЛЕ —	250
Глава 28. ХРАМ —	258
Глава 29. ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР —	266
Глава 30. ГЕФСИМАНИЯ —	273
Глава 31. НОЧЬ СУДА —	281
Глава 32. ПЁТР ПЛАЧЕТ —	289
Глава 33. КРЕСТ —	297
Глава 34. ПОЧЕМУ ОН УМЕР? —	306
Глава 35. КАМЕНЬ ОТВАЛЕН —	313
Глава 36. Я С ВАМИ —	320
Глава 37. ДАВИД —	328
Глава 38. ДВА ГОДА СПУСТЯ —	335
Глава 39. ОГОНЬ НАД ГОЛОВАМИ —	342
Глава 40. ПЕРВЫЙ, КТО НЕ ОТРЁКСЯ —	349
Глава 41. ДОРОГА В ДАМАСК —	356
Глава 42. ГОРОД, ГДЕ ПОЯВИЛОСЬ ИМЯ —	364
Глава 43. ПЕРВЫЙ ОСТРОВ —	370
Глава 44. ВОШЁЛ ДРУГОМ —	377
Глава 45. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВСТАЛ —	384

- Глава 46. БОЛЬШОЙ СПОР — 392
Глава 47. КОГДА ДРУЗЬЯ РАССТАЮТСЯ — 399
Глава 48. ЗОВ ИЗ-ЗА МОРЯ — 405
Глава 49. ПЕСНЯ В ТЕМНИЦЕ — 411
Глава 50. ГОРОД МУДРЕЦОВ — 418
Глава 51. САМОЕ ГЛАВНОЕ СЛОВО — 426
Глава 52. ГОРОД, КОТОРЫЙ ВЗБУНТОВАЛСЯ — 433
Глава 53. ПРОЩАНИЕ НА БЕРЕГУ — 440
Глава 54. СХВАЧЕН В ХРАМЕ — 446
Глава 55. УЗНИК, КОТОРЫЙ СУДИЛ СУДЕЙ — 453
Глава 56. БУРЯ НА БОЛЬШОМ МОРЕ — 460
Глава 57. ОСТРОВ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ — 467
Глава 58. ПИСЬМА ИЗ ЦЕПЕЙ — 473
Глава 59. Всеоружие Божие — 479
Глава 60. Письмо в Рим — 483
Глава 61. Кто отлучит нас? — 487
Глава 62. Да будет воля Господня — 491
Глава 63. Я увидел Павла — 494
Глава 64. Две цепи — 498
Глава 65. Свидетель — 501
Глава 66. Когда исчезла надежда — 504
Глава 67. Все до одного — 507
Глава 68. Невозбранно — 511
Глава 69. Помните мои узы — 514
Глава 70. Радуйтесь всегда? — 517
Глава 71. Не раб, а брат — 520
Глава 72. Где нить тонка — 523
Глава 73. Добрый подвиг — 526
Глава 74. Из рук в руки — 529
Глава 75. Иерусалима больше нет — 532
Глава 76. На пепелище — 535
Глава 77. Где был Бог? — 538
Глава 78. За море — 542
Глава 79. Остров забвения — 545
Глава 80. Старик по имени Иоанн — 548
Глава 81. Я видел Его живым — 551
Глава 82. День Господень — 554
Глава 83. И это был Он — 557
Глава 84. Не бойся — 560
Глава 85. По имени — 563
Глава 86. Остывший огонь — 566
Глава 87. Венец жизни — 569
Глава 88. Белый камень — 572
Глава 89. Дверь на небе — 575
Глава 90. Кто достоин? — 578
Глава 91. Лев оказался Агнцем — 580
Глава 92. Всадники на привязи — 583
Глава 93. Доколе? — 586
Глава 94. Из всех народов — 589

Глава 95. Ещё есть время —	592
Глава 96. Победённый дракон —	595
Глава 97. Не поклонись —	598
Глава 98. Число человеческое —	601
Глава 99. Пал, пал Вавилон —	604
Глава 100. Судит любовь —	607
Глава 101. Верный и Истинный —	610
Глава 102. Книги раскрыты —	613
Глава 103. Всё новое —	616
Глава 104. Ни храма, ни солнца —	619
Глава 105. Смерти не будет уже —	622
Глава 106. Ей, гряди, Господи Иисусе —	625
Глава 107. Последний костёр —	627
Глава 108. От огня к огню —	629
Глава 109. Тебе, читающий —	632
Глава 110. Зерно в земле —	634
Глава 111. Находка —	636
Глава 112. Свиток заговорил —	638
Глава 113. Те же звёзды —	640

Глава 1. Рассказ начинается

Мне девяносто четыре года.

Иногда я закрываю глаза и снова слышу тот голос.

Не голос человека на площади. Не голос учителя в синагоге. Не крик торговца на дороге.

Голос моего дедушки.

— Тогда слушай, Давид.

И вместе с этими словами ко мне возвращается ночь.

Я снова чувствую холод, который поднимался от камней после жаркого дня. Слышу, как овца переступает копытами где-то за моей спиной. Чувствую дым костра и тяжёлую шерстяную ткань дедушкиного плаща на плечах.

Мне снова одиннадцать.

Я ещё не знаю, сколько дорог пройду.

Не знаю, что однажды увижу Иерусалим совсем не таким, каким представлял его ребёнком.

Не знаю, сколько людей потеряю.

И, конечно, не знаю, что имя, которое сейчас произнесёт дедушка, станет главным именем моей жизни.

Иосиф долго смотрел на огонь.

— Ты просил рассказать тебе об Иисусе с самого начала, — сказал он.

— Да.

— Тогда мне придётся начать раньше, чем я впервые увидел Его.

Я удивился.

— Как ты можешь рассказывать о том, чего не видел?

Дедушка повернулся ко мне.

— Потому что не всё, что мы знаем, мы видели собственными глазами. Ты видел Авраама?

— Нет.

— Моисея?

— Нет.

— Давида, в честь которого тебя назвали?

— Нет.

— Но ты знаешь о них.

Я кивнул.

— Откуда?

— Из Писания.

— Вот и я многое узнал от людей, которые были ближе к тем событиям, чем я. А кое-что слышал от тех, кто знал учеников Иисуса. Я буду говорить тебе, где видел сам, а где передаю то, что узнал.

Он помолчал.

— Правда не становится слабее оттого, что человек честно говорит: «Этого я не видел».

Я поднял с земли тонкую ветку и провёл ею по пыли.

— А с чего начинается история Иисуса?

Дедушка улыбнулся.

— С очень древней истории.

— С Авраама?

— И с него тоже.

Это мне понравилось.

Авраама я знал.
Мне рассказывали, как Бог вывел его и велел посмотреть на небо.
Я сразу поднял голову.
Над нами сияли звёзды.
— Вот так? — спросил я.
— Что?
— Он тоже смотрел вверх вот так?
Иосиф посмотрел туда же.
— Возможно, Давид. Только никто из нас не знает, на каком именно месте он стоял.
Я представил старого Авраама под огромным небом.
Мне хотелось думать, что он видел именно те звёзды, которые видел я.
— Бог обещал ему потомство, — сказал дедушка. — И обещал, что через него благословение коснётся многих народов.
— А Иисус здесь при чём?
— Ты опять торопишься.
— Потому что ты медленно рассказываешь.
Дедушка рассмеялся.
— Хорошая история не любит, когда её гонят палкой, как упрямую овцу.
Я посмотрел в сторону стада.
— Кедара можно.
— Кедара иногда нужно.
Мы оба засмеялись.
Потом Иосиф стал серьезнее.
— Наш народ долго ждал, Давид.
— Чего?
— Исполнения Божьих обещаний.
Он говорил о царе Давиде, о пророках, о надежде Израиля. Я слышал эти имена раньше, но возле костра они звучали иначе.
В синагоге Писание читали торжественно. Я старался слушать, но иногда думал об овцах, хлебе или о мальчишках на улице.
У дедушки всё становилось живым.
Царь переставал быть только именем.
Пророк становился человеком, который боялся, надеялся и говорил то, что считал словом Бога.
А ожидание Мессии становилось ожиданием настоящего человека.
— Каким должен был быть Мессия? — спросил я.
Дедушка взял уголёк палкой и подвинул его ближе к центру костра.
— Вот здесь и начинались споры.
— Почему?
— Потому что люди умеют читать одни слова и представлять разные вещи.
— А ты что представлял?
Иосиф задумался.
— Сильного царя.
— С мечом?
— Возможно.
— С армией?
— Наверное.
— Который прогонит римлян?
Дедушка посмотрел на меня.

Я понял, что сказал что-то важное.

— Многие мечтали именно об этом, — ответил он.

— А ты?

— И я.

Мне стало интересно.

— Значит, когда ты увидел Иисуса, у Него была армия?

Иосиф засмеялся так громко, что одна овца подняла голову.

— Нет, Давид.

— Меч?

— Я не видел.

— Богатая одежда?

— Нет.

— Тогда почему ты решил, что Он Мессия?

Дедушка перестал смеяться.

— Не сразу решил.

И снова наступила тишина.

Внизу, за холмами, уже нельзя было различить дорогу.

Днём по ней шли люди к Иерусалиму и обратно. Иногда поднималась пыль от животных. Иногда мы слышали чужую речь. Иудея была небольшой землёй, но через неё проходили люди с разными историями.

Над всем этим стоял Рим.

Я видел римские монеты. Видел солдат. Знал, что взрослые не любят сборщиков налогов. Слышал, как мужчины спорили о свободе Израиля.

Но в ту ночь Рим казался далеко.

Рядом был дедушка.

Овцы.

Огонь.

И история.

— А где родился Иисус? — спросил я.

Иосиф посмотрел на меня с улыбкой.

— Ты слышал.

— В Вифлееме.

— Так рассказывали о Нём.

Я оглянулся в сторону города, которого в темноте почти не было видно.

— Здесь?

— Здесь, в Вифлееме.

От этой мысли мне стало странно.

Вифлеем был для меня обычным местом.

Здесь были камни, пыль, запах хлеба, овцы, люди, которые спорили о цене зерна. Женщины носили воду. Мужчины работали. Дети дрались, мирились и снова дрались.

Мне было трудно представить, что история, о которой говорит дедушка, могла начаться где-то рядом.

— В каком доме?

— Этого я не знаю.

— Ты не знаешь?

— Нет.

— Но ты же всё знаешь про Иисуса.

— Нет, Давид.

Он посмотрел на меня очень серьёзно.

— Я знаю далеко не всё. И никогда не верь человеку только потому, что он говорит так, будто знает всё.

Я запомнил эти слова.

За свою долгую жизнь я встречал многих людей, которые знали ответы на любой вопрос. Чаще всего именно их ответы приходилось проверять особенно тщательно.

Но тогда мне было одиннадцать.

И меня занимало другое.

— Расскажи про Его рождение.

Иосиф немного помолчал.

— То, что рассказывали первые ученики, было удивительно. Его мать звали Мариам. Она была обручена с человеком по имени Иосиф.

Я сразу перебил:

— Как тебя?

— Как меня.

— Он был твоим родственником?

— Нет.

— Ты уверен?

— Давид.

— Что?

— Если ты будешь спрашивать после каждого имени, мы закончим к твоей старости.

— Хорошо.

Я продержался молча совсем недолго.

Дедушка рассказал мне, что ещё до совместной жизни Мариам и Иосифа произошло то, что невозможно было объяснить обычным образом. Он говорил осторожно, подбирая слова так, чтобы я мог понять.

— Ученики передавали, что рождение Иисуса было связано с действием Божьего Духа.

Я нахмурился.

— Как это?

Иосиф посмотрел на меня.

— Не знаю, как объяснить тебе то, что и взрослому человеку трудно объяснить.

— Но ты веришь?

— Верю.

— Почему?

— Потому что для меня история Иисуса не закончилась Его рождением. Я видел, каким Он был. Слышал Его. А после Его смерти услышал свидетельства людей, которым доверял. Иногда смысл начала становится понятнее только после того, как узнаешь конец.

Огонь становился меньше.

Дедушка взял ещё одну ветку.

— Иосиф, обручённый с Мариам, оказался перед трудным выбором. Он не хотел опозорить её.

— Он любил её?

— Писание не рассказывает нам обо всех его чувствах. Но рассказывает о его поступке. Мне это показалось несправедливым.

Я хотел знать, любил ли он её.

В одиннадцать лет мне казалось, что хорошая история должна объяснять всё.

Теперь я понимаю: настоящая история часто оставляет человеку тишину между строк.

— Ему было сказано не бояться принять Мариам, — продолжил дедушка. — И ребёнку дали имя Иисус.

— Что значит Иисус?

Иосиф посмотрел на меня.

Теперь он не улыбался.

— В этом имени слышится мысль о спасении, Давид.

— Спасении от римлян?

Дедушка покачал головой.

— Вот и я когда-то думал прежде всего о Риме.

— А от чего тогда?

Иосиф протянул руку и положил ладонь мне на грудь.

— От того, что разрушает человека изнутри.

Я посмотрел на его руку.

— От болезни?

— Иногда болезнь разрушает тело.

— От страха?

— И страх может разрушать.

— Тогда от чего?

— От греха.

Это слово я знал.

Но в ту ночь впервые почувствовал, что дедушка говорит о чём-то большем, чем просто нарушение правила.

— Что такое грех? — спросил я.

Иосиф не ответил сразу.

Он всегда так делал, когда вопрос был важным.

— Помнишь, как ты однажды разбил сосуд матери?

Я сразу насторожился.

— Какой сосуд?

— Тот самый, о котором ты сказал, что его толкнула овца.

Я почувствовал жар в лице.

— Она была рядом.

— Давид.

— Хорошо. Я задел его.

— А потом?

— Испугался.

— И солгал.

Я опустил голову.

— Да.

— Что было хуже: разбитый сосуд или то, что произошло в тебе после?

Я вспомнил тот день.

Сначала страх.

Потом ложь.

Потом необходимость помнить собственную ложь.

Потом стыд, когда мать узнала правду.

— Не знаю.

— Вот об этом я и говорю. Грех — это не просто разбитая вещь. Он проходит глубже. Он ломает доверие, делает человека чужим другому человеку и заставляет прятаться от Бога.

Я молчал.

Костёр тихо потрескивал.

Мне стало неудобно.

Я хотел вернуться к звёздам, овцам и истории о далёких людях.

Но дедушка неожиданно привёл историю ко мне.

— А Иисус пришёл из-за этого?

— Так понимали Его ученики.

— Из-за моей лжи про сосуд?

Иосиф улыбнулся.

— Не только из-за твоего сосуда.

— Я понял.

— Нет, — сказал он мягко. — Пока не понял. И я тоже долго не понимал.

Он снова обнял меня.

— Поэтому мы не будем торопиться.

Я положил голову ему на плечо.

Где-то в темноте зашуршала сухая трава.

Я прислушался.

— Шакал?

— Может быть.

Я крепче взялся за посох.

Дедушка улыбнулся.

— Не бойся. Стадо рядом.

— Я не боюсь.

— Конечно.

Мы оба знали, что я немного боялся.

— Что было потом? — спросил я.

— Потом в Вифлеем пришли люди с востока.

Я сразу поднял голову.

— В наш Вифлеем?

— В этот самый.

— Кто?

— Мудрецы.

— Они знали Иисуса?

— Они искали царя.

— Значит, всё-таки царя!

— Да.

— Я же говорил.

Дедушка засмеялся.

— Ты удивительно быстро становишься правым, когда слышишь половину рассказа.

Я надулся.

— Продолжай.

Он рассказал о людях, которые пришли издалека, о тревоге в Иерусалиме и о царе Ироде.

Имя Ирода я слышал раньше.

Даже спустя годы люди говорили о нём так, словно боялись, что мёртвый царь всё ещё способен услышать.

— Почему он испугался ребёнка? — спросил я.

— Потому что человек, который боится потерять власть, иногда начинает бояться даже младенца.

Я посмотрел на дедушку.

— Это глупо.

— Страх часто делает умного человека глупым. А жестокого — ещё более жестоким.

И тогда рассказ стал страшным.

Дедушка не говорил мне всего так, как мог бы рассказать взрослому.

Но я понял достаточно.

Царь захотел уничтожить ребёнка.
Семье пришлось бежать.
— Куда?
— В Египет.
— Пешком?
— Возможно, часть пути. Мы не знаем всех подробностей.
— С маленьким ребёнком?
— Да.
Я представил мать с младенцем на дороге.
Представил жар.
Пыль.
Ночь в чужом месте.
И страх услышать за спиной всадников.
История Иисуса вдруг перестала быть красивой историей под звёздами.
В ней появился страх.
— Бог мог остановить Ирода? — спросил я.
Иосиф посмотрел на меня.
— Да.
— Тогда почему им пришлось бежать?
Это был один из тех вопросов, после которых взрослые иногда сердились.
Дедушка не рассердился.
Он долго смотрел в огонь.
— Я не знаю всех ответов, Давид.
— Но Бог спас Иисуса.
— Да.
— А другие дети?
Иосиф закрыл глаза.
Я увидел, как изменилось его лицо.
— Вот поэтому, — сказал он тихо, — никогда не рассказывай историю о спасении так, будто рядом не было чужой боли.
Я не понял всей глубины этих слов.
Но почувствовал их тяжесть.
Над холмами стояла ночь.
Овцы дышали рядом.
Где-то далеко лаяла собака.
Я смотрел на звёзды и думал о детях, которых никогда не знал.
О матерях.
О дороге в Египет.
О маленьком Иисусе.
Мне хотелось спросить Бога, почему мир устроен так, что в нём бывают такие вещи.
Но я не знал, как задать этот вопрос.
Наверное, тогда во мне впервые появилась мысль, что вера — это не только ответы.
Иногда это способность остаться рядом с Богом, когда ответа пока нет.
— Дедушка?
— Да?
— Иисус вернулся?
— Вернулся.
— В Вифлеем?
— Нет. Его семья поселилась в Назарете, в Галилее.

— Поэтому Его называли Назарянином?

— Да.

— А потом?

Иосиф улыбнулся.

— Потом Он вырос.

— Быстро?

— В моём рассказе — быстро. В жизни — как все дети.

— Он тоже был одиннадцатилетним?

— Конечно.

Я попытался представить Иисуса в моём возрасте.

Это оказалось неожиданно трудно.

— Он тоже бегал?

— Думаю, да.

— Работал?

— Наверняка помогал семье.

— Его мать тоже говорила: «Не съешь весь хлеб сразу»?

Дедушка рассмеялся.

— Этого я не знаю.

Я тоже засмеялся.

И после тяжёлого рассказа мне стало легче.

Огонь почти погас.

Иосиф посмотрел на небо.

— На сегодня хватит.

— Нет.

— Да.

— Но Он только вырос!

— Именно поэтому завтра будет интереснее.

— Ты специально остановился.

— Конечно.

Я лёг, завернувшись в плащ.

Дедушка поправил его край.

— Завтра ты расскажешь, как увидел Его?

— Ещё не завтра.

Я приподнялся.

— Почему?

— Потому что прежде чем я увидел Иисуса, у Иордана появился человек, который говорил людям: приготовьтесь.

— Кто?

— Иоанн.

Я снова лёг.

— Я его не знаю.

— Узнаешь.

Дедушка погасил один из тлеющих углей.

Темнота стала плотнее.

Я посмотрел вверх.

Те же звёзды.

Авраам.

Царь Давид.

Вифлеем.

Маленький Иисус.

Египет.

Назарет.

Все эти слова кружились у меня в голове.

А потом я вспомнил главное.

Спасение.

От греха.

Я ещё не понимал, зачем мне нужно такое спасение.

Я считал себя неплохим мальчиком.

Да, иногда врал.

Иногда злился.

Иногда завидовал.

Иногда хотел, чтобы Кедар превратился в ужин.

Но разве из-за этого человеку нужен Мессия?

Я решил спросить дедушку завтра.

И уснул.

Теперь мне девяносто четыре.

Я прожил достаточно долго, чтобы увидеть, сколько бед начинается с того, что человек считает зло внутри себя слишком маленьким, чтобы обращать на него внимание.

Но в ту ночь я был ребёнком.

И это было хорошо.

Потому что дедушка не пытался заставить меня понять всё сразу.

Он просто рассказывал.

А я слушал.

Так началось моё Евангелие у костра.

Глава 2. Восемьдесят лет спустя

Мне девяносто четыре года.

Сейчас идёт сто тридцать пятый год от рождения Иисуса, как считают многие из Его последователей. А та ночь у Вифлеема, о которой я рассказываю, была восемьдесят три года назад. Тогда мне было одиннадцать.

Я сказал вам это в самом начале, но, наверное, ещё не объяснил, что значит прожить столько лет.

Когда тебе одиннадцать, восемьдесят лет — это не время.

Это вечность.

В одиннадцать лет мне казалось, что дедушка Иосиф был стар всегда. Я не мог представить его мальчиком. Не мог представить отца без бороды. Не мог поверить, что когда-нибудь сам стану старше их обоих.

А теперь я сижу у открытой двери своего дома, и мои руки дрожат, когда я держу чашу.

Кожа на них стала тонкой.

Пальцы уже не слушаются так, как прежде.

Колени напоминают мне о каждой дальней дороге, которую я когда-то считал лёгкой.

Но память странно устроена.

Я могу забыть, зачем вошёл в комнату.

Могу долго вспоминать имя человека, с которым говорил вчера.

А потом стоит мне почувствовать запах дыма — и перед глазами снова возникает тот костёр.

Дедушкина ладонь.

Овцы.

Вифлеемские холмы.

И я снова мальчик.

* * *

За восемьдесят с лишним лет мир вокруг меня изменился так сильно, что иногда мне кажется: мальчик Давид и старик Давид жили в разных мирах.

Когда я был ребёнком, над Иерусалимом возвышался Храм.

Для нас это был не просто большой дом из камня.

Туда были обращены наши мысли.

Туда шли люди на праздники.

Там приносили жертвы.

Там служили священники.

Там звучали молитвы.

Когда путник поднимался к Иерусалиму и впервые видел город, сердце начинало биться быстрее.

Я помню белый камень под солнцем.

Помню толпу.

Помню запах животных, дыма и пищи.

Помню голоса людей, приехавших из разных мест.

Помню, как отец однажды положил руку мне на плечо, когда я слишком долго смотрел вверх.

— Иди, Давид. Не отставай.

Мне казалось, что Храм будет стоять всегда.

Дети часто думают, что всё, что существовало до их рождения, будет существовать и после их смерти.

Мы ошибаемся.

* * *

Я вырос.

Рим никуда не исчез.

Солдаты продолжали ходить по нашим дорогам.

Налоги продолжали собирать.

Правители менялись, но напряжение становилось всё сильнее.

Я видел мужчин, которые говорили о свободе Израиля с огнём в глазах.

Видел тех, кто был готов взять оружие.

Видел других, которые боялись, что оружие принесёт только смерть.

Споры становились громче.

Ненависть — глубже.

А потом пришла война.

Я не хочу рассказывать ребёнку о войне так, как мужчины иногда рассказывают её другу: будто это история о славе, мечях и храбрости.

Война прежде всего пахнет дымом.

Потом кровью.

Потом голодом.

И ещё она пахнет домом, в который больше некому возвращаться.

Я видел людей, которые вчера спорили о политике, а сегодня искали хлеб для детей.

Видел матерей, которые уже не спрашивали, кто прав.

Они спрашивали, где их сыновья.

Видел мужчин, которые были уверены, что готовы умереть, пока смерть не подошла к ним достаточно близко.

А потом пал Иерусалим.

И Храм был разрушен.

* * *

Даже сейчас мне трудно написать эти слова спокойно.

Храм был разрушен.

Тот самый.

Тот, который в моём детстве казался мне вечным.

В семидесятом году, когда римские войска взяли Иерусалим, огонь сделал то, что моё детское сердце считало невозможным.

Город пережил осаду и страшный голод.

Люди погибали.

Святыни, к которому поколения нашего народа поднимались на праздники, перестало быть тем местом, каким я его знал.

Я пережил этот день.

Но часть моего детства — нет.

После этого мы учились жить иначе.

Без Храма.

Без жертвоприношений в Иерусалиме.

Мы всё так же читали Писания.

Молились.

Собирались.

Учителя нашего народа искали, как сохранить верность Богу в мире, который изменился.

И я понял: вера человека не может держаться только на камнях, даже если эти камни святы для него.

* * *

И потому особенно часто вспоминаю слова Иисуса о мире, милости и любви к врагам.
Я живу внутри них.

Я пишу не после этих событий.

Я не знаю, чем закончится всё то, что происходит вокруг нас.

Рим отвечает огромной силой. До нас доходят вести о боях, разрушенных селениях и погибших людях.

Я уже видел, как быстро надежда может оказаться рядом с голодом, огнём и смертью.

Поэтому, когда молодые говорят, что теперь всё будет иначе, моё сердце сжимается.

Но я достаточно стар, чтобы помнить предыдущую войну.

Я слишком стар, чтобы идти с оружием.

Люди говорят о Шимоне, которого называют Бар-Кохбой. Одни видят в нём надежду
Израиля. Другие боятся того, что принесёт новая война.

Я уже глубокий старик, но снова слышу слова о восстании, свободе и надежде. Молодые
мужчины уходят из домов. Матери ждут сыновей. По дорогам идут тревожные вести.

Теперь, когда мне девяносто четыре, Иудея снова переживает страшные годы.

Но разрушением Иерусалима беды не закончились.

Изменился и сам Иерусалим.

Но произошло и другое.

История Иисуса не исчезла.

Когда дедушка впервые говорил мне о Нём у костра, мне казалось, что это маленькая
семейная тайна.

Дедушка верит.

Отец сомневается.

Я слушаю.

Вот и всё.

Но годы шли.

Я встречал людей, которые называли Иисуса Господом.

Сначала их было немного.

Потом я встречал их всё дальше от Иудеи.

Они говорили на разных языках.

По-разному одевались.

Ели непривычную пищу.

Одни были иудеями, как я.

Другие никогда не жили по обычаям нашего народа.

И всё же они знали имя Иисуса.

Я слышал рассказы о Павле.

О его дорогах.

О собраниях верующих в городах, названия которых маленький пастух из Вифлеема едва
ли смог бы повторить.

Антиохия.

Эфес.

Коринф.

Рим.

Когда-то мне казалось, что весь мир заканчивается за Иудейскими холмами.

Оказалось, что дороги Евангелия уходят гораздо дальше.

* * *

Не всё было мирно.

Людей, веривших в Иисуса, преследовали.

Некоторых презирали.

Некоторых обвиняли.

Некоторые погибли.

Я видел и другое: верующие сами спорили друг с другом.

Иногда очень тяжело.

О том, как понимать слова Учителя.

О Законе.

О народах.

О том, как жить вместе иудеям и неиудеям, уверовавшим в одного Мессию.

Я был молод, когда думал, что если человек встретил истину, все его вопросы заканчиваются.

Теперь я стар и знаю: иногда после встречи с истиной настоящие вопросы только начинаются.

Но один вопрос дедушки Иосифа прошёл со мной через всю жизнь.

Кто Он?

Кто такой Иисус?

Империя давала один ответ.

Некоторые учителя — другой.

Мои родственники — третий.

Мои собственные страхи иногда шептали четвёртый.

А мне нужно было ответить самому.

* * *

Я пережил императоров.

Некоторых людей, чьи имена заставляли целые города дрожать, теперь уже нет.

Когда-то казалось, что Рим вечен.

Возможно, однажды и Рим станет воспоминанием.

Но слова, которые дедушка рассказывал мне возле маленького костра, почему-то пережили царей, наместников, войны и разрушение Храма.

«Блаженны миротворцы».

Когда вокруг меня люди выбирали меч, я вспоминал эти слова.

«Любите врагов ваших».

Когда мне хотелось ненавидеть римлян, я спорил с этими словами.

«Не бойтесь».

Когда я боялся, они возвращались.

«Придите ко Мне».

Когда я терял близких, они звучали совсем иначе, чем в детстве.

Слова Иисуса выросли вместе со мной.

Вернее, это я медленно вырос до них.

* * *

Теперь по вечерам возле меня иногда сидят дети.

Они тоже задают вопросы.

Дети всегда задают вопросы лучше взрослых.

Взрослый часто спрашивает, чтобы доказать свою правоту.

Ребёнок спрашивает потому, что действительно хочет знать.

Однажды один мальчик спросил меня:

— Дедушка Давид, ты помнишь своего дедушку?

Я засмеялся.

— Лучше, чем многих людей, которых видел вчера.

— Он был очень старый?

— Для меня — древний.

— Старше тебя?

Я долго смеялся.

— Нет. До моих лет он не дожил.

Мальчик задумался.

— Тогда почему ты всё время про него рассказываешь?

Я посмотрел на вечернее небо.

— Потому что он однажды рассказал мне о Человеке, Которого я не смог забыть.

— Об Иисусе?

— Об Иисусе.

И вдруг я понял, что стал похож на Иосифа.

Старик.

Ребёнок.

Вечер.

Вопросы.

Только теперь на месте дедушки сидел я.

* * *

Моего Иосифа давно нет.

Отца нет.

Матери нет.

Многих друзей нет.

Вифлеем моего детства изменился.

Иерусалим изменился.

Даже дороги стали другими.

Но иногда ночью я выхожу из дома.

Поднимаю голову.

И вижу звёзды.

Тогда восемьдесят три года исчезают.

Мне снова одиннадцать.

Дедушка рядом.

Его плащ пахнет дымом.

Кедар где-то упрямо пытается уйти от стада.

А я ещё не знаю, что впереди будут война, разрушенный Храм, долгие дороги, слёзы, любовь, потери и старость.

Я знаю только одно.

Завтра вечером дедушка продолжит рассказ.

И я очень хочу услышать, что было дальше.

* * *

Так что вернёмся туда.

Не к моим девяноста четырём годам.

Не к разрушенному Иерусалиму.

Не к войнам, которые ещё не произошли для одиннадцатилетнего мальчика.

Вернёмся к костру.

К овцам.

К звёздам.

К дедушке Иосифу.

Потому что утром после той ночи я проснулся с одним вопросом.

Кто такой Иоанн, который должен был приготовить путь Иисусу?

А вечером я обязательно собирался получить ответ.

Глава 3. Голос в пустыне

Утро после нашего первого разговора оказалось холодным.

Я проснулся раньше солнца.

Костёр почти умер. Между серыми углями ещё пряталось красное тепло, но стоило ветру пройти по склону, как оно на мгновение оживало.

Дедушка спал, завернувшись в плащ.

Овцы лежали неподалёку тесной кучей. Некоторые уже подняли головы и жевали, словно всю ночь только и ждали возможности снова начать есть.

Я сел.

Над восточными холмами небо становилось светлее.

Сначала оно было почти бесцветным.

Потом появилась тонкая полоса — бледная, как внутренняя сторона раковины.

Ещё через несколько мгновений края облаков порозовели.

Я любил это время.

Ночь ещё не ушла, а день уже был где-то рядом.

В такие минуты казалось, что весь мир чего-то ждёт.

И я тоже ждал.

Иоанна.

Вчера дедушка сказал, что прежде чем он увидел Иисуса, у Иордана появился человек, который говорил людям приготовиться.

Я всю ночь почти видел его во сне.

Только в моём сне он почему-то был огромного роста, держал меч и стоял посреди реки. Теперь мне хотелось узнать, каким он был на самом деле.

* * *

Дедушка проснулся от того, что Кедар ткнулся носом ему в спину.

— Убери от меня этого разбойника, — пробормотал Иосиф, не открывая глаз.

— Он тебя любит.

— Он любит всё, что может съесть.

Я оттащил Кедара.

— Дедушка.

— Нет.

— Я ещё ничего не спросил.

— Но собираешься.

Я улыбнулся.

— Кто такой Иоанн?

Иосиф открыл один глаз.

— Вот видишь.

Он сел, потёр ладонями лицо и посмотрел на восток.

Солнце уже касалось вершины холма.

— Сначала вода, — сказал он.

Мы ели простой завтрак: хлеб, несколько маслин и немного сушёных плодов, которые мать положила нам с собой. Дедушка дал мне бурдюк.

Вода была прохладной и пахла кожей.

Я сделал несколько глотков.

— Теперь?

— Теперь овцы.

— Дедушка!

— Давид, если из-за Иоанна мы потеряем стадо, твой отец не оценит нашу любовь к пророкам.

Пришлось ждать.

* * *

Днём солнце поднялось высоко.

Камни снова стали горячими.

Мы повели стадо туда, где между склонами ещё оставалась трава. Я шёл впереди и стучал посохом по земле.

Пыль липла к сандалиям.

К полудню от утренней прохлады не осталось ничего.

Воздух дрожал над камнями.

Иногда ветер приносил запах сухих растений и животных.

Далеко, на дороге, двигалась небольшая группа путников.

Я смотрел на них и думал:

«Может быть, они идут к Иордану?»

В тот день мне казалось, что все дороги ведут к Иоанну.

Только вечером, когда солнце начало опускаться, дедушка наконец сказал:

— Собирай сухие ветки.

Я понял.

Сегодня будет продолжение.

* * *

Когда загорелся огонь, я сел почти на то же место, что и вчера.

Иосиф заметил это.

— Ты приготовился лучше, чем к чтению Писания.

— Потому что ты не заставляешь меня повторять каждую строчку.

— Это можно исправить.

— Не надо.

Он улыбнулся.

Несколько минут мы молчали.

Вечер медленно забирал у земли краски.

Красные склоны становились коричневыми.

Коричневые — серыми.

Серые — почти чёрными.

А потом над нами снова открылись звёзды.

Дедушка посмотрел в огонь.

— Иоанн появился в пустыне.

— Один?

— Думаю, он часто бывал один. Но очень скоро вокруг него стало много людей.

— Почему?

— Потому что он говорил так, будто ждать больше нельзя.

Я нахмурился.

— Чего ждать?

— Бога.

— Но Бог и так есть.

Иосиф посмотрел на меня.

— Да. Но человек может верить, что Бог есть, и жить так, будто Его нет.

Я задумался.

Эта мысль мне не понравилась.

Она была слишком похожа на вчерашний разговор о разбитом сосуде.

* * *

— Иоанн говорил: «Покайтесь».

— Я слышал это слово.

— Конечно.

— Что оно значит?

Дедушка поднял с земли небольшой камень.

— Представь, что ты ведёшь овец к Вифлеему.

— Представил.

— И вдруг понимаешь, что пошёл не по той дороге.

— Я бы повернул.

— Почему?

— Потому что дорога неправильная.

— Вот.

Он положил камень обратно.

— Покаяние — это не только испугаться наказания или сказать: «Мне жаль». Это увидеть, что идёшь не туда, и повернуть.

Я посмотрел на тропу, уходившую в темноту.

— А если далеко ушёл?

— Всё равно повернуть.

— А если очень далеко?

— Тогда возвращаться будет дольше.

— А если стыдно?

Иосиф помолчал.

— Тогда особенно нужно повернуть.

* * *

Я долго ковырял палкой землю.

— И все люди были плохими?

— Какие люди?

— Которые приходили к Иоанну.

— Нет.

— Тогда зачем им каяться?

— Потому что покаяние нужно не только разбойнику.

— А кому ещё?

— Мне.

Я поднял голову.

— Тебе?

Дедушка улыбнулся.

— Ты удивлён?

— Немного.

Для меня дедушка был одним из лучших людей на земле.

Он не обманывал покупателей.

Не бил животных без причины.

Не ругался так страшно, как некоторые мужчины.

Всегда оставлял часть пищи тому, кто мог попросить.

И самое главное — он знал истории.

— А что ты сделал?

— Много.

— Например?

— Некоторые вещи я расскажу тебе, когда ты станешь старше.

Это было несправедливо.

— Мне уже одиннадцать.

— Именно поэтому.

* * *

Иосиф рассказал, что люди выходили к Иоанну из Иерусалима, из Иудеи и из мест возле Иордана.

Я представлял дорогу.

Мужчины.

Женщины.

Старики.

Молодые.

Богатые в хорошей одежде.

Бедные с потрескавшимися от земли руками.

Люди шли слушать человека из пустыни.

— Как он выглядел?

— Не как человек, которого пригласили бы первым лечь за праздничный стол.

— Почему?

— Его одежда была грубой. Говорили, что он носил одежду из верблюжьего волоса и кожаный пояс.

— А ел что?

— Саранчу и дикий мёд.

Я перестал жевать кусочек хлеба.

— Саранчу?

— Так передавали.

— Насекомых?

— Да.

Я посмотрел на дедушку.

— И люди всё равно его слушали?

— Иногда человек настолько уверен в том, что говорит, что люди перестают замечать его одежду и пищу.

— Я бы заметил саранчу.

— Ты замечаешь еду раньше всего.

Это была неправда.

Иногда я сначала замечал овец.

* * *

— Он был пророком? — спросил я.

— Многие так думали.

— Как Илия?

Иосиф кивнул.

— Его образ действительно напоминал древних пророков.

— Он делал чудеса?

— Я не слышал об этом.

— Тогда почему люди верили ему?

Дедушка посмотрел на меня.

— Ты думаешь, человеку обязательно нужно сделать чудо, чтобы сказать правду?

Я пожал плечами.

— Было бы убедительнее.

— Возможно. Но иногда самое большое чудо — когда человек слышит правду о себе и не убегает.

Я не понял.

Дедушка увидел это.

— Поймёшь позже.

Он часто так говорил.

Иногда мне казалось, что половину детства я провёл в ожидании того возраста, когда наконец пойму дедушкины слова.

* * *

— Иоанн был добрым?

Иосиф усмехнулся.

— Смотря что ты называешь добротой.

— Ну... добрым.

— Он говорил людям очень жёсткие вещи.

— Значит, злой.

— Нет.

— Но если говоришь жёстко...

— Давид, иногда человек говорит мягко, потому что любит себя и боится потерять расположение другого. А иногда говорит жёстко, потому что любит того, кто стоит перед ним, и боится, что тот погибнет.

Я вспомнил мать.

Когда я однажды полез на старую стену, она так закричала на меня, что я обиделся.

Через несколько мгновений часть камней обвалилась.

После этого её крик уже казался мне другим.

— Значит, Иоанн кричал, потому что боялся за людей?

— Думаю, он видел приближение Божьего Царства как нечто настолько серьёзное, что не хотел успокаивать тех, кому нужно было измениться.

* * *

Дедушка рассказал о религиозных учителях и влиятельных людях, которые тоже приходили посмотреть на Иоанна.

— И он им сказал, что они хорошие?

— Нет.

— Почему? Они же знали Писание.

— Знание Писания ещё не делает сердце праведным.

Эти слова меня удивили.

Я думал, что взрослый, который знает много священных слов, автоматически ближе к Богу.

— Тогда зачем учить?

— Чтобы жить.

— А если знаешь, но не живёшь?

Иосиф посмотрел на меня.

— Тогда слова могут стать свидетелями против тебя.

Я почувствовал, что разговор снова становится слишком взрослым.

— Лучше расскажи про реку.

* * *

Иордан.

Я представлял его много раз, хотя тогда ещё не знал его так, как узнал позже.

Вода была для нашей земли драгоценностью.

Вода означала жизнь.

Без неё человек быстро понимал, насколько он слаб.

И вот к воде приходили люди, которые признавали свои грехи.

Иоанн погружал их в Иордан.

— Он мыл их? — спросил я.

— Не от грязи.

— Тогда зачем вода?

— Наш народ давно знал омовения. Вода напоминала о чистоте. Но у Иоанна это было связано с покаянием и приготовлением к тому, что приближалось.

— К Иисусу?

— Да.

Я подался вперёд.

Наконец-то рассказ снова приблизился к Нему.

* * *

— Иоанн говорил, что после него идёт Кто-то более сильный.

— Иисус.

— Да.

— Он уже знал Его?

Дедушка задумался.

— Они были связаны ещё до рождения, если верить тому, что передавали об их семьях. Но главное не это. Главное — Иоанн понимал свою роль.

— Какую?

Иосиф указал посохом на тропу.

— Если впереди должен пройти царь, дорогу готовят.

— Убирают камни?

— Выравнивают путь.

— Иоанн убирал камни?

— Не эти.

Он коснулся моей груди.

Я вздохнул.

— Опять внутри человека?

— Опять.

— У тебя все дороги ведут внутрь человека.

— Потому что там часто самые большие камни.

* * *

Мы помолчали.

Я слышал, как овцы дышат в темноте.

Кедар снова куда-то пошёл.

— Кедар!

Овца остановилась.

— Видишь? — сказал дедушка.

— Что?

— Он услышал твой голос.

— Потому что знает, что я его догоню.

— Возможно.

Я вернул Кедара к стаду.

Когда сел обратно, Иосиф спросил:

— А ты узнаешь голос Бога?

Я замер.

— Бог говорит вслух?

— Иногда люди Писания слышали Его так, как мы с тобой сейчас слышим друг друга. Но я спрашиваю не только об этом.

— Тогда не знаю.

— Вот Иоанн и хотел разбудить людей. Чтобы они снова начали слышать.

* * *

— Дедушка, а если человек покался, он больше никогда не делает плохого?

Иосиф тихо рассмеялся.

— Если бы.

— Тогда какой смысл?

— Ты сегодня утром умылся?

— Да.

— А руки сейчас чистые?

Я посмотрел на них.

На пальцах была пыль.

— Нет.

— Значит, утром не стоило умываться?

— Стоило.

— Почему?

— Потому что утром они были грязные.

— Вот и сердце требует постоянной честности.

Я потёр ладони.

— Значит, человек всё время грязный?

— Нет, Давид. Не превращай образ в закон. Я хочу сказать другое: покаяние — не один красивый момент. Это привычка не прятаться от Бога.

* * *

Я посмотрел на звёзды.

— А Бог видит всё?

— Да.

— Даже когда я один?

— Да.

— Даже мысли?

Иосиф посмотрел на меня и улыбнулся.

— Этот вопрос тебя беспокоит?

— Нет.

— Тогда почему ты так быстро ответил?

Я промолчал.

Конечно, беспокоил.

Мне не хотелось, чтобы кто-то видел все мои мысли.

Некоторые были глупыми.

Некоторые злыми.

Некоторые я сам хотел забыть.

— Если Бог всё видит, — сказал я наконец, — тогда от Него невозможно спрятаться.

— Именно.

— Это страшно.

— Может быть страшно.

— А тебе не страшно?

Иосиф долго смотрел на огонь.

— Было бы страшно, если бы Бог только искал, за что меня наказать.

— А Он не ищет?

— Иисус научил меня видеть Бога иначе.

Я сразу повернулся к нему.

— Как?

— Об этом будет много разговоров.

— Сейчас.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты опять хочешь конец истории раньше середины.

* * *

Я лёг на спину.

Надо мной было небо.

Дедушка продолжал говорить.

Он рассказал, что Иоанн предупреждал людей: недостаточно гордиться тем, что они дети Авраама.

Это меня задело.

— Но мы дети Авраама.

— Да.

— Это важно.

— Очень.

— Тогда почему недостаточно?

— Потому что вера твоего прадеда не может заменить твою веру.

Я сел.

— Но Бог дал обещание Аврааму.

— Дал.

— Значит...

Иосиф поднял ладонь.

— Давид, принадлежать к народу Завета — великий дар. Но дар не освобождает человека от верности Богу.

Он подбросил ветку.

— Ты не можешь сказать: «Мой дедушка любит Бога, поэтому мне самому любить Его необязательно».

Я посмотрел на него.

Эти слова попали точно туда, куда мне не хотелось.

Потому что дедушка действительно любил Бога.

А я пока не знал, люблю ли.

* * *

— А если я верю только потому, что веришь ты?

Иосиф ничего не сказал.

Я ждал.

Он придвинулся ближе.

— Пока ты ребёнок, ты многому учишься через нас. Это нормально. Ты ешь хлеб, который печёт твоя мать. Идёшь дорогами, которые показывает отец. Слушаешь истории, которые рассказывает дедушка.

Он положил руку мне на голову.

— Но однажды, Давид, тебе придётся самому ответить Богу.

— Когда?

— Не знаю.

— В тринадцать?

Я думал о времени, когда стану старше и от меня будут ожидать большей ответственности за заповеди.

— Не возраст решает всё.

— Тогда что?

— Сердце.

Я снова лёг.

Мне было проще думать о тринадцати годах, чем о сердце.

* * *

Дедушка замолчал.

Я решил, что рассказ закончен.

— И всё?

— Нет.

— Что ещё?

Он посмотрел на меня так, словно ждал именно этого вопроса.

— Однажды к Иордану пришёл Сам Иисус.

Я вскочил.

— К Иоанну?

— К Иоанну.

— Чтобы слушать?

— Чтобы креститься.

Я нахмурился.

— Подожди.

Дедушка улыбнулся.

— Что?

— Ты сказал, что люди приходили к Иоанну, потому что каялись.

— Да.

— И признавали грехи.

— Да.

— А теперь говоришь, что Иисус тоже пришёл креститься.

— Да.

Я смотрел на дедушку, уверенный, что поймал его на ошибке.

— Значит, Иисус тоже сделал что-то плохое?

Иосиф не ответил.

Он только посмотрел на меня.

Я ждал.

Огонь треснул.

Вверх поднялось несколько искр.

— Ну?

— Это, Давид, — сказал дедушка, — будет завтрашний рассказ.

— Нет!

— Да.

— Ты опять специально!

— Конечно.

— Дедушка!

Он смеялся.

Я сердито завернулся в плащ.

— Тогда я завтра не буду слушать.

— Хорошо.

— Правда.

— Конечно.

— Мне совсем не интересно.

— Я вижу.

* * *

Через несколько минут я спросил:

— А Иоанн согласился крестить Его?

Дедушка ничего не ответил.

— Дедушка?

Тишина.

— Ты спишь?

Я услышал тихий смех.

— Это нечестно.

— Спи, Давид.

Я отвернулся.

Но сон не приходил.

В голове снова была река.

Люди входили в воду.

Признавали грехи.

Поворачивали назад с неправильной дороги.

А потом к Иордану подходил Иисус.

Зачем?

Если Он действительно был Тем, о Ком говорил дедушка, зачем Ему становиться рядом с грешниками?

Я ещё не знал ответа.

Но именно этот вопрос заставил меня ждать следующего вечера сильнее, чем прежде.

* * *

Теперь мне девяносто четыре года.

Я понимаю то, чего не мог понять мальчиком.

В ту ночь дедушка говорил мне не только об Иоанне.

Он впервые учил меня одной из самых трудных вещей в жизни:

человек должен перестать прятаться.

От своей неправды.

От своего стыда.

От Бога.

Я прожил долгую жизнь и видел людей, которые могли признать поражение армии, ошибку правителя, грех соседа и падение целого народа.

Но им было почти невозможно сказать:

«Я сам пошёл не туда».

Иоанн стоял у воды и говорил людям повернуть.

А одиннадцатилетний мальчик возле Вифлеема ещё не понимал, что однажды эти слова понадобятся и ему.

Но прежде мне нужно было узнать, почему в воду вошёл Иисус.

Глава 4. Иисус приходит к Иордану

На следующий день я старался не спрашивать дедушку об Иисусе.

Это было трудно. Очень трудно.

С самого утра вопрос ходил за мной, как Кедар.

Зачем Иисусу понадобилось крещение Иоанна?

Если в воду входили люди, которые признавали свои грехи, почему туда пришёл Тот, Кого дедушка называл Мессией?

Я решил, что не стану спрашивать первым. Пусть дедушка сам продолжит.

Я продержался до завтрака.

— Дедушка.

Иосиф отломил кусок хлеба.

— Да?

— Уже наступило завтра.

Он посмотрел на меня.

— Я заметил.

— Значит, ты должен рассказать.

— Что именно?

Я понял, что он издевается.

— Про Иордан.

— А что с Иорданом?

— Дедушка!

Он засмеялся.

— Сначала поешь.

* * *

Утро было ясным. Солнце поднялось над холмами, и тени от камней стали короткими. В низинах ещё держалась прохлада, но мы знали: через несколько часов земля снова раскалится.

Я шёл за стадом и думал о реке.

В наших местах вода никогда не была чем-то обычным. Колодец был важен. Источник был важен. Дождь был важен. Когда после долгой сухости на землю падали первые капли, взрослые выходили смотреть на небо.

Поэтому рассказ о людях, входивших в Иордан, казался мне особенно красивым.

Я представлял воду на ногах. Течение. Блеск солнца. И человека в грубой одежде, стоящего среди людей.

Но больше всего я пытался представить Иисуса.

Как Он выглядел? Был ли высоким? Говорил громко или тихо? Смеялся ли? Сразу ли люди понимали, что перед ними Мессия?

Я спросил об этом дедушку днём.

— Когда ты впервые увидел Его, ты сразу понял?

Иосиф покачал головой.

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

Это меня разочаровало. Мне казалось, Мессия должен быть таким, чтобы Его невозможно было спутать с обычным человеком.

— Тогда как?

— Как человек.

— Просто человек?

Дедушка остановился.

— Давид, запомни это. Иногда мы так ждём величия, что не замечаем Бога, когда Он приходит без того величия, которое придумали мы сами.

Я ничего не ответил.

Эта фраза была из тех, которые дедушка говорил мне в одиннадцать лет, а понимать я начинал много позже.

* * *

Вечером ветер изменился. Он пришёл с востока и принёс сухой запах далёкой земли.

Мы расположились ниже склона, чтобы камни немного защищали нас от ветра. Огонь клонился в одну сторону, искры убегали в темноту.

Сегодня дедушка не заставил меня ждать.

— Итак, Иисус пришёл из Галилеи к Иордану.

— Специально к Иоанну?

— Да.

— Чтобы креститься?

— Да.

Я нахмурился.

— Но почему?

Иосиф посмотрел в огонь.

— Иоанн тоже не сразу хотел это делать.

— Правда?

— Правда.

Мне стало легче. Значит, не один я увидел проблему.

— Он считал, что всё должно быть наоборот, — продолжал дедушка. — Что ему самому нужно принять крещение от Иисуса.

— Вот! Я тоже так думаю.

Дедушка улыбнулся.

— Поздравляю. В одиннадцать лет ты уже готов спорить вместе с пророком.

— Я не спорю. Просто это понятно.

— А Иисус попросил Иоанна позволить этому совершиться.

— Почему?

— Он говорил об исполнении праведности.

Я подождал.

— И что это значит?

— Я знал, что ты спросишь.

* * *

Иосиф поднял сухую ветку и провёл ею по земле.

— Представь человека, который говорит: «Я хороший. Мне нечего признавать. Я лучше остальных».

Он провёл линию.

— А теперь другого, который знает, что ему нужна Божья милость.

Провёл вторую.

— А Иисус? — спросил я.

Дедушка положил ветку.

— Вот здесь самое удивительное. Иисус становится рядом с людьми, которым нужно покаяние.

— Но если Ему самому не нужно каяться?

— Именно.

— Тогда зачем становиться рядом?

Иосиф помолчал.

— Потому что Он пришёл не смотреть на людей издалека. Он вошёл туда, где стояли они. Эти слова почему-то заставили меня замолчать.

Я посмотрел на стадо.

Когда овца уходила вниз по склону, можно было стоять наверху и кричать. Но если она не возвращалась, приходилось самому спускаться по камням.

— Как с овцой? — спросил я.

— Что?

— Если она потерялась. Ты не вернёшь её, не пойдя туда, где она находится.

Иосиф внимательно посмотрел на меня.

— Хорошая мысль, Давид.

Мне стало приятно.

— Значит, Иисус пришёл туда, где были люди?

— Да.

— Хотя Сам не потерялся?

— Да.

Теперь я понимал немного больше.

* * *

— И что произошло, когда Он вышел из воды?

Голос дедушки стал тише.

— Матфей рассказывает, что небеса открылись.

Я поднял голову.

Над нами было обычное ночное небо.

— Как это?

— Не знаю, Давид. Я там не был.

Мне нравилось, что дедушка никогда не делал вид, будто видел то, чего не видел.

— И Дух Божий сходил на Него как голубь.

— Настоящий голубь?

— Матфей говорит: «как голубь».

— Значит, не обязательно птица?

— Именно. Нужно внимательно слушать слова.

— А потом?

Иосиф посмотрел вверх.

— Потом был голос.

Я придвинулся ближе.

— Чей?

— С небес.

— Бога?

— Да.

По рукам у меня прошёл холод, хотя рядом горел огонь.

— Что Он сказал?

Дедушка произнёс медленно:

— Что Иисус — Его возлюбленный Сын, в Котором Его благоволение.

Я замолчал.

Человек стоит в реке. Вода стекает с одежды. Над Ним открывается небо. Дух Божий сходит. И голос называет Его Сыном.

— Люди тоже слышали?

— Матфей не отвечает на все вопросы так подробно, как тебе хотелось бы.

— Мне хотелось бы.

— Знаю.

* * *

— Дедушка, Бог говорил с Иисусом как отец с сыном?

— Именно такой язык мы слышим в рассказе.

— А Иисус называл Бога Отцом?

— Да.

— Часто?

Иосиф посмотрел на меня.

— Очень часто.

— Значит, когда ты сказал, что Иисус научил тебя иначе смотреть на Бога...

— Ты запомнил.

— Конечно.

— Я думал, ты уже спал.

— Я не спал.

— Ты храпел.

— Это Кедар.

Дедушка рассмеялся.

— Конечно. Очень талантливая овца.

* * *

Но вопрос не отпускал меня.

— Если Бог Отец, почему люди Его боятся?

Иосиф перестал улыбаться.

— Потому что Бог свят.

— Отца тоже можно бояться. Когда я делаю что-то плохое, я боюсь своего отца.

— Потому что он может наказать?

— Да.

— Только поэтому?

Я задумался.

Гораздо хуже наказания было, когда отец смотрел на меня с разочарованием.

— Ещё я не хочу причинять ему боль.

Иосиф кивнул.

— Видишь разницу? Страх наказания спрашивает: «Как избежать последствий?» Любовь спрашивает: «Как я мог причинить боль тому, кто любит меня?»

Я вспомнил разбитый сосуд. Мать. Свою ложь.

— А Иисус учил обращаться к Богу как к Отцу?

— Да.

Я посмотрел на звёзды.

Это было новое слово для Бога, Которого я знал с детства.

* * *

— Дедушка, а ты когда впервые услышал Иисуса говорить о Небесном Отце?

Иосиф задумался.

На его лице появилось выражение, которое я уже начинал узнавать. Так он смотрел, когда возвращался в память.

— На склоне возле Галилейского моря.

Я сразу повернулся.

— Ты был там?

— Был.

— Ты видел Его?

— Да.

Сердце у меня забилося быстрее.

До сих пор дедушка рассказывал о событиях, которые узнал от других.

А теперь мы приближались к тому, что он видел сам.

— Как Он выглядел?

— Давид...

— Что?

— Ты опять хочешь перескочить через несколько глав.

— Но ты сказал, что видел!

— Видел.

— Близко?

— Достаточно.

— Он посмотрел на тебя?

Иосиф улыбнулся.

— Возможно.

— Возможно?!

— Там было много людей.

Если бы на меня посмотрел Мессия, я был уверен, что запомнил бы это навсегда.

В одиннадцать лет я был уверен во многих вещах.

* * *

— Расскажи сейчас.

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что прежде произошло ещё кое-что.

— Что?

Иосиф посмотрел в сторону тёмных холмов.

— После Иордана Иисус ушёл в пустыню.

— Один?

— Да.

— Зачем?

— Матфей говорит, что Дух повёл Его туда.

— Что Он там делал?

— Постился.

— Сколько?

Дедушка помолчал.

— Сорок дней.

Я рассмеялся.

Иосиф не смеялся.

— Сорок?

— Да.

— Без еды?

— Так говорит рассказ.

Я посмотрел на оставшийся возле костра хлеб.

Мне становилось плохо, если я долго не ел.

— Зачем?

— Завтра.

Я застонал.

— Ты не можешь каждый раз заканчивать на самом интересном.

— Могу.

— Это плохой способ рассказывать.

— Но ты каждый вечер возвращаешься.
Мне нечего было ответить.

* * *

Я лёг, но ещё долго смотрел в небо.
Сегодня я узнал, что Иисус вошёл в воду вместе с людьми.
Не потому, что был таким же, как они во всём.
А потому, что не остался далеко.
Я пытался представить Его ноги на мокрых камнях Иордана.
Воду на одежде.
Иоанна рядом.
Открытое небо.
Голос Отца.
А потом — пустыню.
Почему после слов любви нужно было идти туда, где нет хлеба?
Почему после голоса с небес должна прийти тишина?
Я не понимал.

* * *

Теперь мне девяносто четыре года.
Я прожил достаточно, чтобы узнать: после самых светлых дней иногда приходят самые тяжёлые.

После радости — испытание.
После уверенности — вопрос.
После голоса — тишина.

Когда я был мальчиком, мне казалось: если Бог действительно с человеком, его дорога должна становиться легче.

Но история Иисуса с самого начала говорила другое.
У Иордана прозвучало:
Он — возлюбленный Сын.
А следующая дорога повела Его не во дворец.
Не в Иерусалим.
Не к толпе.
В пустыню.
Тогда я ещё не знал, насколько мне самому понадобится помнить это.
Потому что впереди моей жизни тоже будут дни, когда я стану спрашивать:
«Если Бог со мной, почему здесь так пусто?»
Но в одиннадцать лет меня занимало другое.
Сорок дней без хлеба.
Я решил, что дедушка наверняка что-то перепутал.
И на следующий вечер собирался ему это доказать.

Глава 5. Сорок дней

Утром я решил проверить дедушкины слова.

Я взял кусок хлеба, посмотрел на него и положил обратно.

Если Иисус мог не есть сорок дней, рассуждал я, то одиннадцатилетний Давид наверняка сможет не есть хотя бы до полудня.

Через некоторое время хлеб стал занимать почти все мои мысли.

Я старался смотреть на овец.

Думал о вчерашнем Иордане.

Считал камни на тропе.

Но почему-то всё превращалось в еду.

Круглый камень напоминал лепёшку.

Сухая ветка — жареную рыбу.

Даже Кедар, жующий траву, раздражал меня тем, что у него был завтрак.

— Ты почему не ешь? — спросил дедушка.

— Постюсь.

Иосиф остановился.

— С каких пор?

— С сегодняшнего утра.

— Почему?

— Хочу понять Иисуса.

Дедушка долго смотрел на меня.

— И как успехи?

— Хорошо.

В животе громко заурчало.

Иосиф поднял брови.

— Очень хорошо, — добавил я.

Он протянул мне хлеб.

— Ешь.

— Но Иисус...

— Ты не Иисус.

Я взял хлеб.

Это было трудно оспорить.

* * *

После завтрака мы повели стадо выше по склону.

Земля была сухой. Между камнями цеплялись низкие кусты. Где-то пахло тимьяном и пылью. Ветер шёл по холмам и приносил прохладу только на несколько мгновений.

Я всё думал о пустыне.

— Дедушка, где именно Он был?

— Матфей не даёт нам карты.

— А какая там пустыня?

Иосиф посмотрел на восток.

— Ты видел землю, когда мы уходили дальше от пастбищ. Представь места ещё суровее. Камень, сухие русла, глубокие овраги. Днём солнце выжигает землю. Ночью становится холодно.

— Там есть люди?

— В некоторых местах можно долго никого не встретить.

— Звери?

— Есть.

— Вода?

— Не там, где тебе захочется пить.

Мне уже не хотелось проверять сорокадневный пост.

— И Иисус пошёл туда один?

— Да.

— Сразу после того, как Бог назвал Его Сыном?

— Да.

Это всё ещё казалось мне неправильным.

Если царь признаёт сына, сына приводят во дворец.

Если отец радуется сыну, для него готовят еду.

Но после Иордана Иисуса ждала пустыня.

* * *

Вечером огонь разгорался медленно.

Ветки были тонкими и быстро сгорали. Я подкладывал новые, пока дедушка поправлял край своего плаща.

— Ну? — спросил я.

— Что «ну»?

— Сорок дней.

— Ты сегодня уже попробовал.

— Это было только утро.

— И ты чуть не съел Кедара глазами.

— Я не смотрел на него так.

Кедар поднял голову.

Дедушка рассмеялся.

Потом его лицо стало серьёзным.

— Матфей рассказывает, что Иисус постился сорок дней и сорок ночей. И после этого взалкал.

— Конечно взалкал.

— И именно тогда пришло искушение.

Я нахмурился.

— Когда Он ослаб?

— Да.

— Это нечестно.

Иосиф посмотрел на меня.

— Искушение редко спрашивает, удобно ли тебе.

* * *

— Кто Его искушал?

— Матфей называет его искушителем и диаволом.

Мне стало неудобно.

Я оглянулся в темноту.

— Он сейчас здесь?

— Давид.

— Что?

— Не нужно превращать каждую тень в злого духа.

Я снова посмотрел на огонь.

— А как он говорил с Иисусом?

— Текст передаёт нам их разговор. Но не объясняет всё, что хотел бы знать любопытный одиннадцатилетний пастух.

— Опять.

— Опять.

— И что он сказал?

Дедушка взял камень размером с небольшой хлеб.

— «Если Ты Сын Божий...»

Он положил камень передо мной.

— «Скажи, чтобы эти камни сделались хлебами».

Я посмотрел на камень.

После сегодняшнего утра я сразу понял силу этих слов.

— А Он мог?

— Искуситель именно на это и рассчитывал.

— Но если мог, почему не сделал? Он же голодный.

— Вот вопрос.

* * *

Иосиф подвинул камень ближе.

— Что тебе сегодня хотелось больше всего?

— Есть.

— Ты думал о Боге?

Я хотел сказать «да».

Но вспомнил, как круглый камень превратился у меня в лепёшку.

— Не очень.

— Голод сам по себе не грех. Тело просит того, что ему нужно. Но человек может сделать свою нужду хозяином.

— Хлеб может стать хозяином?

— Не хлеб. Желание.

Он коснулся груди.

Опять всё возвращалось туда.

— Иисус ответил словами Писания: человек живёт не одним хлебом.

— Но без хлеба умрёт.

— Конечно.

— Тогда как это понимать?

Дедушка улыбнулся.

— Ты задаёшь хороший вопрос.

Я выпрямился.

— Хлеб поддерживает жизнь тела. Но если ради хлеба человек готов забыть Бога, предать правду или сделать зло, он спасает тело и теряет нечто большее.

Я посмотрел на хлеб возле костра.

Впервые он показался мне не просто едой.

* * *

— А потом?

— Потом искуситель поставил перед Иисусом другое испытание.

Дедушка рассказал о святом городе и высоте Храма.

Я сразу вспомнил Иерусалим.

Белый камень.

Шум.

Людей.

Огромное пространство, которое в детских глазах казалось почти краем неба.

— Он сказал Иисусу броситься вниз.

— Зачем?!

— Чтобы доказать, что Бог сохранит Его.

— Он хотел, чтобы Иисус умер?

— Он хотел, чтобы Иисус потребовал от Бога доказательства.

— Но ведь Бог мог спасти Его.

— Мог.

— Тогда почему не прыгнуть?

Иосиф вздохнул.

— Давид, если ты завтра полезешь на самый высокий камень и прыгнешь, сказав: «Бог обязан меня поймать», это будет вера?

Я задумался.

— Наверное.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты сам создал опасность и приказал Богу обслужить твою глупость.

Я обиделся.

— Я не говорил, что собираюсь прыгать.

— Я знаю тебя.

Это было справедливо.

* * *

— Значит, нельзя проверять Бога?

— Иисус ответил Писанием: не искушай Господа Бога твоего.

— А если я прошу знак?

— Просить Бога и командовать Богом — не одно и то же.

— Как отличить?

Иосиф посмотрел на меня.

— Иногда только честностью.

— Опять честность.

— От неё трудно избавиться.

Я вздохнул.

* * *

— Было ещё третье искушение.

Дедушка провёл рукой по горизонту.

— Иисусу были показаны царства мира и их слава.

— Все?

— Так говорит рассказ.

— И что?

— Ему предложили власть.

Я оживился.

Вот это наконец казалось разумным.

— Но если Иисус Царь, власть Ему нужна.

— Именно поэтому искушение было настоящим.

— И что нужно было сделать?

Иосиф посмотрел прямо на меня.

— Поклониться не Богу.

Я сразу замолчал.

— Только один раз?

— Текст не говорит такими словами.

— Но если бы потом Он сделал много добра?

Дедушка не ответил сразу.

Я продолжил:

— Представь: получить все царства. Можно остановить войны. Накормить бедных. Наказать разбойников. Помочь Израилю.

— И для этого поклониться злу?

— Один раз.

Иосиф наклонился ко мне.

— Давид, зло часто предлагает человеку добро, если он согласится получить его злым путём.

Я перестал улыбаться.

— Иисус отказался?

— Да.

— Сразу?

— Да.

— Даже ради царств?

— Даже ради них.

* * *

Я долго смотрел на огонь.

Третье искушение беспокоило меня больше остальных.

Хлеб я понимал.

Прыгать с высоты мне уже не хотелось.

Но власть...

Мы жили под властью Рима.

Я видел солдат.

Слышал взрослых, которые тихо говорили о налогах.

Знал, что наш народ вспоминает царя Давида и ждёт избавления.

— Если Он Мессия, почему просто не прогнал римлян?

Иосиф очень внимательно посмотрел на меня.

— Этот вопрос задавали многие.

— И что?

— Многие хотели именно такого Мессию.

— А ты?

Он посмотрел в огонь.

— Когда был моложе — тоже.

— А потом?

— Потом слышал Иисуса.

— И перестал хотеть свободы?

— Нет. Но начал понимать, что человек может избавиться от одного господина и остаться рабом другого.

— Какого?

Иосиф коснулся моей груди.

— Того, что живёт здесь.

Я уже знал этот жест.

— Злости?

— Да.

— Жадности?

— Да.

— Гордыни?

— Да.

— Страха?

— И его тоже.

Я задумался.

Римского солдата можно было увидеть.

А такого господина — нет.

* * *

— И что Иисус сказал искусителю?

— Поклоняться нужно Господу Богу и Ему одному служить.

— И всё?

— После этого искушитель оставил Его.

— Навсегда?

Иосиф покачал головой.

— Я бы не сказал так. Испытания ещё будут.

— Но в пустыне Он победил?

— Да.

— Потому что знал Писание?

— Он отвечал Писанием. Но Давид...

Дедушка посмотрел на меня серьёзно.

— Можно знать слова Писания и всё равно использовать их неправильно.

— Как?

— Искушитель тоже приводил слова Писания.

Я замер.

Этого я не ожидал.

— Он знает Писание?

— Знать слова и любить Бога — не одно и то же.

Это было похоже на разговор об Иоанне.

Я начинал замечать, что дедушкины мысли соединялись друг с другом.

— Тогда как понять правильно?

— Не вырывать слова ради своей выгоды. Смотреть, чему учит всё Писание. И спрашивать, ведёт ли твоё толкование к верности Богу или только оправдывает то, что тебе хочется.

Для одиннадцатилетнего мальчика это было слишком длинное объяснение.

Я сказал проще:

— Значит, нельзя заставлять Писание говорить то, что удобно мне?

Дедушка улыбнулся.

— Именно.

* * *

Ветер усилился.

Я плотнее завернулся в плащ.

— Дедушка.

— Да?

— А Иисусу было страшно?

Иосиф долго молчал.

— Я не знаю, что Он чувствовал каждую минуту в пустыне.

— Было больно от голода?

— Он был человеком. Матфей говорит, что Он взалкал.

— Значит, Ему действительно было трудно?

— Да.

Это почему-то было важно.

До этого Иисус в моём воображении начинал становиться почти недостижимым.

Небеса открываются.

Голос Бога.
Дух сходит.
Мессия.
Сын.
Но теперь Он был голоден.
Один.
Среди камней.
И Ему предлагали лёгкие дороги.
Хлеб без ожидания.
Защиту без доверия.
Царство без креста.
Тогда я ещё не понимал последнего.
Дедушка тоже пока не произнёс этого слова.

Но много лет спустя я понял: пустыня уже задавала вопрос, который будет звучать до самого Иерусалима.

Каким Мессией будет Иисус?

* * *

— А потом Он вернулся к людям?

— Да.

— Сразу начал проповедовать?

— Скоро мы дойдём до этого.

— А Иоанн?

Лицо дедушки изменилось.

— История Иоанна тоже продолжится.

— С ним что-то случится?

Иосиф не ответил.

Я понял, что случится.

Иногда молчание взрослого отвечает быстрее слов.

— Он умрёт?

— Не сегодня, Давид.

Мне стало грустно.

Я почти не знал Иоанна, только два вечера слушал о нём, но уже привык к человеку в грубой одежде у реки.

— Почему хорошие люди умирают?

Дедушка медленно выдохнул.

— На этот вопрос у меня нет короткого ответа.

— А длинный?

— Всей жизни иногда мало.

Мы замолчали.

* * *

Через некоторое время Иосиф спросил:

— Что ты запомнил сегодня?

Я начал считать на пальцах.

— Когда голоден, нельзя есть Кедара.

Дедушка засмеялся.

— Очень духовный вывод.

— Ещё хлеб не должен быть главным.

— Хорошо.

— Нельзя прыгать с Храма.

— Особенно тебе.

— И нельзя поклоняться злу, даже если обещают хорошее.

— Хорошо.

Я подумал ещё.

— И Писание нельзя заставлять говорить то, что тебе удобно.

Иосиф кивнул.

— Это запомни особенно.

— Всё?

— А что запомнил ты?

Дедушка посмотрел на огонь.

— Что мой внук сегодня добровольно отказался от завтрака почти на четверть часа.

— Было дольше!

— Возможно, на половину четверти часа.

Я толкнул его плечом.

Он обнял меня.

Так мы сидели некоторое время.

Огонь согревал ноги.

За спиной тихо дышали овцы.

Над нами горели звёзды.

* * *

Перед сном я спросил:

— Дедушка, а когда ты наконец расскажешь, как сам увидел Иисуса?

Иосиф улыбнулся.

— Скоро.

— Завтра?

— Возможно.

— Ты опять начинаешь.

— Хорошо. Сначала я расскажу тебе о рыбаках.

— Каких ещё рыбаках?

— Которым Иисус сказал оставить сети.

Я приподнялся.

— Они оставили?

— Да.

— Просто так?

— Не совсем.

— А лодки?

— Оставили.

— Рыбу?

— Давид.

— Что?

— Спи.

Я лёг обратно.

Теперь вместо пустыни перед глазами было море.

Лодки.

Сети.

Рыбаки.

И человек, Который говорил им идти за Ним.

* * *

Теперь мне девяносто четыре года.

За свою жизнь я много раз возвращался мыслями к пустыне.

Я знал настоящий голод.

Знал страх.

Видел людей, которые ради власти обещали себе, что совершат зло только один раз, а потом будут делать добро.

Видел людей, которые находили в священных словах оправдание собственной ненависти.

Видел и самого себя в минуты, когда мне хотелось, чтобы Бог доказал Свою любовь именно так, как требовал я.

Тогда я вспоминал Иисуса среди камней.

Не одного лишь победителя, которому всё давалось легко.

А Того, Кто был голоден и всё же не превратил нужду в господина.

Кто мог требовать знамения, но не стал испытывать Отца.

Кто мог выбрать власть ценой поклонения злу — и отказался.

Когда мне было одиннадцать, я думал, что история пустыни рассказывает о трёх испытаниях Иисуса.

В девяносто четыре я знаю:

она всё это время задавала вопросы и мне.

Что для тебя важнее хлеба?

Доверяешь ли ты Богу, когда Он ничего не доказывает?

И чему ты готов поклониться ради того, чего очень хочешь?

На эти вопросы человек отвечает не у костра.

Он отвечает всей своей жизнью.

А моя жизнь тогда только начиналась.

И на следующий вечер дедушка повёл меня к Галилейскому морю — пока ещё только своим рассказом.

Глава 6. РЫБАКИ ГАЛИЛЕИ

Утром я нашёл в складке плаща обгоревшую щепку.

Не знаю, зачем я её подобрал. Наверное, чтобы у той ночи осталось хоть что-то, что можно подержать в руке.

Весь день я пас овец у нижнего склона и думал о пустыне. О сорока днях. О голоде, который дедушка описал так, что у меня самого свело живот.

А вечером мы снова поднялись к каменной стенке.

Кедар первым добежал до места и улёгся так, будто сторожил его весь день.

Дедушка развёл огонь.

И я сразу спросил:

— Он вышел из пустыни. И куда пошёл?

— На север, — сказал дедушка. — В Галилею.

Я знал это слово.

У нас в Вифлееме его произносили с усмешкой. Галилея была где-то далеко, за Самарией, и оттуда приходили люди, которые говорили странно, тянули слова и не умели правильно молиться. Так, во всяком случае, объясняли мне взрослые.

— Почему туда? — спросил я. — Там же...

Я не знал, как закончить, чтобы не сказать грубость.

Дедушка посмотрел на меня, и в глазах у него мелькнуло что-то весёлое.

— Договаривай.

— Там же простые люди.

— Да, — сказал он. — Там простые люди.

Он подбросил ветку в костёр.

— Давид, ты когда-нибудь видел большую воду?

Я подумал.

— Я видел колодец.

Дедушка засмеялся. Он смеялся редко, коротко, будто сам удивлялся, что смеётся.

— Тогда слушай.

И он стал рассказывать.

О том, что на севере есть озеро. Такое большое, что если встать на одном берегу, другой берег кажется синей полоской, и в пасмурный день его вовсе не видно. Вода там пресная и холодная. Вокруг зелёные холмы, а не наши, выжженные. Трава там не сторает к концу весны. Смоковницы стоят тяжёлые от листьев.

Он рассказывал, а я пытался это представить и не мог.

Я всю жизнь прожил среди камней, где вода дороже хлеба и где ребёнок с младенчества знает: не разлей.

А там, оказывается, воды было столько, что по ней ходили лодки.

— И в этой воде живёт рыба, — сказал дедушка. — Много рыбы. Целые народы рыбы. Люди живут ею. Ловят ночью, продают утром, солят, сушат, отправляют на юг. Наверное, ты ел галилейскую рыбу и не знал об этом.

— И Он пошёл туда?

— Он пришёл в город на берегу. Капернаум. Там таможня, там дорога, там всё время кто-то приходит и уходит. Шумный город.

— И что Он там делал?

— Ходил по берегу.

Я ждал продолжения.

Дедушка молчал.

— И всё? — не выдержал я.

— Пока всё.

Он поправил палкой уголья.

— Давид, я долго не понимал одной вещи. Может быть, и ты не поймёшь сразу. Но я скажу.

Он посмотрел в темноту, туда, где лежали овцы.

— Если бы я был Богом и хотел изменить мир, я знаю, что бы я сделал. Я бы пошёл в Иерусалим. В Храм. К первосвященнику. К тем, кто знает наизусть весь закон. К людям с именами. Я бы начал сверху.

— А Он?

— А Он пошёл на берег озера. Утром. Туда, где пахнет рыбой и мокрой верёвкой. Где сидят на песке усталые мужики, которые всю ночь работали и ничего не поймали.

Он повернулся ко мне.

— И начал снизу.

Я не знал, что на это сказать.

— Их звали Симон и Андрей, — продолжал дедушка. — Братья. Они забрасывали сеть с мелководья. Такую круглую, с грузилами по краю. Её надо бросать так, чтобы она раскрылась в воздухе и легла на воду кругом. Этому учатся с детства. Симон бросал хорошо.

— Ты видел, как он бросает?

— Видел. Много позже. Он и стариком не разучился.

Я замер.

— Ты его знал?

— Знал.

Дедушка сказал это так спокойно, будто речь шла о соседе через две улицы.

А у меня по спине пошли мурашки.

— Иисус подошёл к ним, — сказал дедушка, — и сказал шесть слов. Всего шесть. Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков.

— И что они ответили?

— Ничего.

— Как ничего?

— Они бросили сеть и пошли за Ним.

Я сел прямо.

— Так не бывает.

— Не бывает, — согласился дедушка.

— Дедушка, ну подожди. — Мне вдруг стало обидно, как будто меня хотели обмануть. — Сеть стоит денег. Хорошая сеть — это работа целого месяца. Её плетут, чинят, сушат. У них лодка. У них, наверное, семьи. Долги. Как можно просто взять и уйти? Куда уйти? Зачем?

Я говорил быстро и, кажется, слишком громко. Одна овца подняла голову.

Дедушка ждал, пока я закончу.

Потом сказал:

— Я задал ему тот же вопрос.

— Кому?

— Симону. Мы сидели вечером, почти как мы с тобой сейчас. Прошло много лет, я был уже взрослым человеком, с бородой и с сыном. И я спросил его: как вы могли бросить лодку?

— И что он сказал?

Дедушка помолчал.

— Он засмеялся. А потом сказал: Иосиф, ты спрашиваешь так, будто мы что-то решали. А мы ничего не решали. Он позвал — и мы пошли.

— Это не ответ.

— Я тогда сказал ему то же самое.

— А он?

— А он перестал смеяться и сказал: тогда слушай по-другому. Ты когда-нибудь видел человека, которого ждал всю жизнь, сам не зная, что ждёшь его?

Огонь щёлкнул.

— Я не понял, — честно сказал я.

— Я тоже не понял, — сказал дедушка. — Не сразу. Понял я гораздо позже.

Он подтянул плащ на плечах.

— А дальше Он прошёл ещё немного по берегу. И увидел ещё двоих братьев. Иаков и Иоанн, сыновья Зеведея. Они были в лодке с отцом и чинили сети. Знаешь, это скучная работа. Сеть рвётся каждую ночь. Каждое утро её надо перебрать узел за узлом.

— И Он их тоже позвал?

— Позвал.

— И они пошли?

— Пошли. Сразу.

— А отец?

Дедушка посмотрел на меня внимательно.

Мне показалось, что этот вопрос он ждал.

— Отец остался в лодке, — сказал он. — С работниками.

— И что он им сказал вслед?

— Не знаю, Давид. Об этом никто не рассказал. Я много раз думал об этом старике. Он сидит в лодке, у него в руках мокрая сеть, а его сыновья уходят по берегу за человеком, которого он видит первый раз в жизни.

Я представил своего отца.

И мне стало нехорошо.

— Дедушка, а это правильно? Уйти вот так?

Он долго не отвечал.

— Ты задал хороший вопрос, — сказал он наконец. — Настоящий. Я не буду отвечать на него сегодня. Мы к нему ещё вернёмся, и не один раз. Но одно я тебе скажу сейчас.

Он показал палкой на моё стадо.

— Ты пастух. Ты знаешь, что овца идёт за голосом. Не за палкой, не за верёвкой. За голосом. Чужой позовёт — она не пойдёт, хоть корми её с руки. А свой позовёт с другого конца поля — она поднимет голову и пойдёт.

— Знаю.

— Так вот. Они слышали голос.

Я смотрел в огонь.

— И это были все Его ученики? Четверо?

— Потом стало больше. Двенадцать. Среди них были не только рыбаки. Был сборщик податей, а таких у нас, ты знаешь, любят не больше, чем римлян. Был человек, который ненавидел римлян так, что готов был взяться за нож. Представь, они ходили рядом. Ели из одной миски.

— Они, наверное, ссорились.

Дедушка усмехнулся.

— Ещё как.

— И Он их не прогнал?

— Не прогнал.

Ночь стала холоднее. Я придвинул ноги к огню.

— Дедушка.

— М-м.

— А почему рыбаки? Почему не книжники? Они же ничего не знали. Они писать умели?

— Кто-то умел, кто-то нет.

— Тогда почему?

Дедушка долго смотрел на огонь.

— Я думаю, — сказал он, — потому что рыбак умеет две вещи, которых не умеет большинство людей. Он умеет ждать. Всю ночь на воде, и часто впустую. И он умеет начинать заново на следующую ночь.

Он посмотрел на меня.

— Это, оказывается, важнее, чем знать наизусть свитки.

Я лёг на спину и стал смотреть на звёзды.

— Дедушка.

— Что.

— А тебя Он звал?

Ветка в костре осела с мягким звуком.

Дедушка ответил не сразу.

— Об этом завтра, Давид.

— Ну дедушка.

— Завтра.

Я знал этот его голос. Спорить было бесполезно.

Но я лежал и не мог уснуть ещё очень долго. Потому что впервые понял: дедушка не просто рассказывает мне историю, которую слышал от кого-то.

Он в ней был.

Глава 7. Я УВИДЕЛ ЕГО

Весь следующий день я ждал вечера.

Так ждут только в детстве, когда время тянется, как смола, и ты по десять раз смотришь на тень от камня: сдвинулась или нет.

Овцы паслись. Кедар дремал. Солнце стояло на месте.

Я думал об одном.

Он в ней был.

Мой дедушка, который ест с нами хлеб, который чинит ремни и ворчит на осла, который пахнет шерстью и дымом, — он видел Его своими глазами.

Вечером я даже не стал ждать, пока разгорится костёр.

— Ты обещал.

— Обещал, — сказал дедушка.

Он сел, вытянул больную ногу и долго молчал.

Я уже начал бояться, что он передумал.

— Мне было тогда тридцать пять лет, — сказал он наконец.

Я удивился.

Почему-то мне казалось, что он был мальчиком, как я. Что он бегал за Иисусом по берегу вместе с другими мальчишками.

— Тридцать пять, — повторил дедушка. — Твой отец был ещё маленьким. Меньше тебя. У меня была семья, был дом, была работа, и я считал себя очень занятым человеком.

— Какая работа?

— Я возил шерсть. И привозил рыбу.

Он сказал это буднично, но я сразу представил дорогу, ослов, тюки.

— Раз в год я ходил на север. Вниз по долине, потом через Изреельскую равнину. Двенадцать дней пути в один конец. Наши купцы брали галилейскую рыбу, солёную и сушёную, и продавали её здесь, у нас, и дальше, к морю. Дело было выгодное, но тяжёлое.

— И в тот год ты пошёл туда?

— В тот год я пошёл туда.

Он подбросил ветку.

— Давид, я хочу, чтобы ты понял одну вещь. Я не искал Его.

— Как это?

— Так. Я шёл за рыбой.

Он усмехнулся.

— Об Иисусе тогда уже говорили. Слухи бегут быстрее ослов. На каждом ночлеге, у каждого колодца кто-нибудь да рассказывал. Один говорил: в Капернауме есть человек, который исцеляет. Другой говорил: это пророк. Третий говорил: это обманщик, каких много.

— А ты?

— А я слушал вполуха и думал о своём. О цене на рыбу. О том, что осёл захромал. Понимаешь, Давид, у меня в те годы голова была занята сверху донизу.

Он посмотрел на огонь.

— Пророков у нас хватало. Каждые несколько лет кто-нибудь выходил в пустыню, собирал вокруг себя людей, обещал, что вот теперь всё изменится. Потом приходили римляне, и всё заканчивалось одинаково. Я видел эти кресты вдоль дорог. Я не хотел ни во что верить.

Я молчал.

Я никогда не слышал, чтобы дедушка так говорил.

— И вот я пришёл в Капернаум, — продолжал он. — Пришёл утром, злой, потому что дорога вышла тяжёлая. Пошёл к складам. И увидел, что складов почти никто не открыл.

— Почему?

— Потому что весь город был не там.

Дедушка развёл руками.

— Люди шли по улице. Не спеша, не бегом. Просто шли в одну сторону. Женщины несли детей. Кто-то вёл старика под руки. Один мужчина нёс на спине другого, завернутого в одеяло, и я помню, что у того, кого несли, ноги висели, как верёвки.

Он остановился.

— Я спросил у продавца: что случилось? А он мне: ты откуда?

— И ты сказал?

— Я сказал: из Иудеи. А он засмеялся и сказал: ну тогда иди, посмотри. Всё равно я тебе сегодня ничего не продам.

Я придвинулся ближе.

— И ты пошёл?

— Пошёл. Из любопытства. Мне даже немного стыдно теперь об этом говорить, но пошёл я именно так. Как идут посмотреть на драку или на пожар.

Костёр трещал.

— Я вышел за город, — сказал дедушка. — Там, за последними домами, начинается берег. И вот там я остановился.

— Что ты увидел?

— Сначала я увидел людей. Их было очень много, Давид. Я никогда не видел столько людей вместе, кроме как в Иерусалиме на праздник. Только в Иерусалиме люди нарядные, а тут... тут была беда.

Он подбирал слова медленно.

— Знаешь, в каждом селении есть один или два таких человека. Тот, кто не встаёт. Тот, кто трясётся. Тот, кого мать выводит на порог погреться и заводит обратно. Обычно их не видно. Они по домам.

— А тут?

— А тут они были все вместе. Их вынесли. Их привезли. Их привели. В одном месте, на берегу, сидело столько горя, сколько человек не должен видеть сразу.

Я почувствовал, как у меня похолодели руки.

— И я стоял и не мог понять: зачем? Зачем их сюда притащили? Чтобы что?

Дедушка помолчал.

— А потом толпа немного расступилась. И я увидел Его.

Я не дышал.

— Какой Он был? — спросил я шёпотом.

Дедушка ответил не сразу.

— Обыкновенный.

— Как это?

— Вот так. Давид, я тебе честно скажу, потому что врать в таких вещах нельзя. Я ожидал чего угодно. Я ожидал, что от Него будет исходить сияние. Что Он будет огромного роста. Что у Него будет голос, как труба.

— И?

— И ничего этого не было. Я увидел мужчину лет тридцати. Загорелого. В обычной одежде, довольно пыльной. Он стоял среди людей, и его можно было потерять из виду, если отвернуться.

Я растерялся.

— И это всё?

— Я тоже так подумал, — сказал дедушка. — Я стоял и думал: и ради этого весь город бросил работу?

Он поднял на меня глаза.

— А потом я стал смотреть, что Он делает.

Огонь опустил, и лицо дедушки почти ушло в тень.

— К Нему подводили одного за другим. И вот что меня перевернуло, Давид. Он не смотрел на толпу. Он смотрел на человека.

— Я не понимаю.

— Сейчас поймёшь. Когда к тебе идёт двести человек, ты видишь двести человек. Одну кучу. Ты начинаешь торопиться. Ты говоришь: следующий, следующий, быстрее. Так работает и врач, и сборщик податей, и любой, у кого много дел.

— А Он?

— А Он ни разу не поторопился.

Дедушка сказал это медленно, как что-то очень важное.

— Каждый, кто к Нему подходил, оказывался единственным. Понимаешь? Пока Он говорил со старухой, для Него не было очереди. Пока Он держал за руку ребёнка, не существовало двухсот человек за спиной этого ребёнка.

Я попытался это представить.

— Он их лечил?

— Лечил. Я видел это своими глазами, и я не буду тебе рассказывать об этом сегодня, потому что об этом надо говорить отдельно и не второпях. Скажу только: люди уходили от Него не такими, какими приходили.

— А ты подошёл?

— Нет.

Я удивился.

— Почему?

Дедушка долго молчал.

— Потому что я был здоров, — сказал он. — И потому что я испугался.

— Чего?

— Не знаю. До сих пор не знаю точно. Наверное, того, что придётся что-то менять.

Он вздохнул.

— Я стоял далеко, у самого края. Между мной и Ним было человек сто. И я говорил себе: ну посмотрел, ну хорошо, теперь иди по своим делам, у тебя осёл на постоянном дворе и товар не куплен.

— И ты ушёл?

— Собирался.

Дедушка поднял голову. Он смотрел не на меня, а куда-то вверх костра.

— И тут Он повернулся.

У меня внутри всё сжалось.

— Он посмотрел в мою сторону. Может быть, не на меня. Может быть, на кого-то рядом. Я никогда этого не узнаю и не хочу выдумывать.

— Но?

— Но мне показалось, что Он смотрит на меня.

Тишина стояла такая, что было слышно, как внизу, за холмом, шевелится ветер в сухой траве.

— И что было? — спросил я.

— Ничего не было, — сказал дедушка. — Он не поднял руку. Не позвал. Не сказал ни слова. Он просто посмотрел.

— И?

— И я не ушёл.

Он опустил глаза на огонь.

— Я остался стоять. Потом сел на камень. Потом просидел там до вечера. Я не купил в тот день рыбу. Я вообще ничего не сделал в тот день, Давид, и вернулся домой на четыре дня позже, чем собирался, и жена ругала меня, и был убыток.

Он усмехнулся.

— И это был лучший день моей жизни.

Я долго не мог ничего сказать.

Потом всё-таки спросил:

— Дедушка, а что ты почувствовал? Ну, когда Он посмотрел.

Дедушка думал долго.

— Знаешь, что страшнее всего? — сказал он. — Я почувствовал, что меня видят целиком.

— Как это?

— Вот так. Всего. Не таким, каким я хожу по улице и каким меня знают соседи. А целиком. Со всем, что я прятал даже от себя.

Он посмотрел на меня.

— И вот тут я ждал, что мне станет стыдно и захочется убежать.

— А не захотелось?

— Нет.

Дедушка покачал головой, и я увидел, что он улыбается.

— Меня видели целиком — и не отвернулись. Давид, за всю мою жизнь со мной больше никогда такого не было.

Он замолчал.

Я лежал на плаще и смотрел вверх.

Звёзд было столько же, сколько вчера, и они были на своих местах, но что-то во мне сдвинулось, и я это чувствовал так же ясно, как холод от земли.

— Дедушка.

— М-м.

— А ты потом пошёл за Ним?

— Не сразу, — сказал он. — Я вернулся домой. Работал. Считал деньги. Целых полгода я жил как раньше и старался не думать.

— А потом?

— А потом я снова пошёл на север. Уже не за рыбой.

Он подгрёб палкой уголья к середине.

— И вот в тот раз, Давид, я услышал, как Он говорит. Люди шли за Ним целыми днями, и однажды Он поднялся на склон холма и сел. Все сели вокруг.

— И что Он сказал?

Дедушка посмотрел на меня.

— Он сказал такое, чего я не понимал ещё двадцать лет.

— Скажи.

— Завтра.

— Дедушка!

— Завтра, Давид. Это надо на свежую голову.

Я застонал, а он засмеялся и накрыл меня краем своего плаща, потому что я, оказывается, уже дрожал от холода.

Засыпая, я слышал, как Кедар обходит стадо.

И в полусне мне казалось, что кто-то стоит далеко, на самом краю темноты, и смотрит в мою сторону.

Глава 8. НА ГОРЕ

В тот день с запада пришёл ветер.

Он приходит к нам в конце весны, сухой и тёплый, и от него всё делается злым: овцы, собаки, люди. Пыль висит в воздухе и не оседает. Губы трескаются к полудню.

Мать сказала, что в такую погоду в поле идти незачем.

Дедушка сказал, что овцам всё равно, какая погода, и что стадо само себя не постережёт.

Мать посмотрела на него, потом на меня, вздохнула и завернула нам хлеба больше обычного.

К вечеру ветер стих так же внезапно, как начался.

Стало очень тихо.

Мы поднялись на своё место, и я заметил, что дедушка идёт медленнее, чем вчера, и один раз остановился, чтобы отдышаться. Но сказать об этом я не решился.

Костёр разгорелся плохо. Ветки за день пересохли и горели быстро, без углей.

— Ты сказал, что вернулся на север через полгода, — начал я.

— Сказал.

— И что было?

Дедушка не спешил.

— Сначала расскажу тебе, что было дома, — сказал он. — Потому что это тоже часть истории, хотя мне до сих пор неприятно об этом говорить.

Я насторожился.

— Полгода я жил как раньше. Работал, торговался, ходил в синагогу по субботам. И всё это время у меня внутри лежало то утро на берегу, как камень в мешке. Я его не трогал. Я просто его нёс.

— Ты никому не рассказал?

— Рассказал жене.

— И что она?

Дедушка усмехнулся невесело.

— Она спросила, не заболел ли я в дороге.

Я засмеялся.

— Не смейся, — сказал дедушка. — Она была права по-своему. Со стороны это выглядело именно так: взрослый человек уехал за рыбой, вернулся без рыбы и говорит, что на него кто-то посмотрел.

Он поворошил костёр.

— Один раз я попробовал заговорить об этом со своим другом. Мы вместе возили товар с юности. Я сказал ему: слушай, в Галилее есть человек... И он сразу перебил. Знаю, говорит. Слышал. Ещё один. Иосиф, ты в своём уме? Тебе сорок скоро. У тебя дом.

— И ты замолчал?

— Замолчал.

Дедушка посмотрел на меня.

— Давид, запомни. Иногда труднее всего не тем, кто ничего не слышал. Труднее всего тем, кто услышал и молчит.

Я не совсем понял, но кивнул.

— А потом настала весна, — сказал он. — И я снова собрал ослов.

— И жена ничего не сказала?

— Сказала. Она сказала: езжай.

Мне это показалось странным.

— Просто так?

— Не просто так. Она полгода на меня смотрела. Женщины, Давид, видят больше, чем мы думаем.

Он поправил плащ.

— Я шёл двенадцать дней и всю дорогу боялся одного: что не найду Его. Что Его уже нет. Что схватили, или ушёл, или всё это кончилось, как всегда кончается.

— А Его?..

— А Его было легко найти, — сказал дедушка. — Мне даже спрашивать не пришлось.

— Почему?

— Потому что по всей дороге вдоль озера шли люди.

Он показал рукой вдоль тёмного склона.

— Представь, Давид. Утро. Дорога от Капернаума на юг. И по ней идут не десять человек и не сто. Идут семьями. Идут из деревень, которых я даже не знал по названию. Кто-то с бурдюком, кто-то с корзиной, дети верхом на отцах. И все идут в одну сторону.

— Как на праздник?

— Похоже. Только на праздник идут нарядные и весёлые. А эти шли по-разному. Кто весёлый, кто злой, кто плачет. Я шёл рядом с одной женщиной, она несла ребёнка и всю дорогу с ним разговаривала, а ребёнок не отвечал.

Я хотел спросить почему, но не стал.

— Я спросил у мужчины рядом: куда идём? Он на меня посмотрел, как на дурака, и сказал: туда, где Он сегодня.

— И вы пришли?

— Пришли.

Дедушка сложил руки на коленях.

— Там, за Капернаумом, берег поднимается. Не гора, как у нас говорят про гору. Просто длинный склон, покрытый травой, спускается к самой воде. В то время года трава была ещё зелёная и вся в мелких цветах. Я это помню очень отчётливо, хотя, казалось бы, при чём тут трава.

— И там были все эти люди?

— Весь склон был покрыт людьми, Давид. Сверху донизу.

Он помолчал.

— Внизу лежало озеро. Совершенно тихое. Я стоял и думал: если сейчас кто-нибудь один крикнет, это услышат все.

— А Он где был?

— Он поднялся немного выше по склону. И сел.

Я подождал.

— И всё?

— И всё. Сел.

— Почему?

— Потому что у нас сидя учат, — сказал дедушка. — Ты этого пока не знаешь, потому что тебя ещё не водили к учителю. Но запомни: у нас человек встаёт, чтобы читать Писание, и садится, чтобы объяснять. Когда учитель сел — значит, началось.

Дедушка чуть подался вперёд.

— И вот здесь произошло то, чего я никогда не забуду.

— Что?

— Стало тихо.

Я не понял, что тут особенного.

— Давид, ты не представляешь себе эту тишину. Там были тысячи людей. Дети. Больные. Старики. Толпа никогда не молчит вся сразу, кто-нибудь обязательно кашляет, ругается, толкается. А тут все просто замолчали.

— Никто не приказывал?

— Никто. Он не поднимал руку. Не стучал. Он просто сел, и люди стали замолкать сами, начиная сверху, волной, до самой воды.

Он посмотрел в огонь.

— И я в этой тишине вдруг очень испугался.

— Почему?

— Потому что понял, что сейчас Он скажет что-то, после чего мне придётся жить по-другому.

Костёр почти погас. Я подложил веток, и они вспыхнули сразу, слишком ярко.

— И что Он сказал? — спросил я.

Дедушка ответил не сразу.

— Прежде чем я скажу, ты должен понять, чего ждали люди на том склоне.

— И чего они ждали?

— Того же, чего ждали все мы. Ты сам знаешь. Ты слышал это дома сто раз.

Я подумал.

— Что придёт Царь? — сказал я. — Мессия. И прогонит римлян.

— Именно, — сказал дедушка. — И что тогда у нас будет своё царство. И что мы будем наверху, а не внизу. И что закончатся подати, и солдаты уйдут, и всё будет как при Давиде, в честь которого тебя называли.

Он смотрел на меня очень внимательно.

— Люди на том склоне ждали, что Он скажет: собирайтесь. Идём на Иерусалим.

— А Он?

— А Он начал говорить о счастье.

Я решил, что ослышался.

— О чём?

— О счастье, Давид. Он начал перечислять, кто счастливый.

Я ждал.

И дедушка сказал:

— Счастливы нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Я молчал.

— Счастливы плачущие, — сказал дедушка, — ибо они утешатся.

Я всё ещё молчал, но уже по другой причине.

— Дедушка, — сказал я осторожно, — ты ничего не перепутал?

— Нет.

— Но это же...

Я не знал, как сказать. Мне казалось, что если я скажу это вслух, получится дерзость.

— Говори, — сказал дедушка. — Здесь можно.

Я набрал воздуха.

— Это неправда.

Ветка треснула в костре.

— Плачущие не счастливые, — сказал я быстро, потому что уже начал и остановиться не мог. — У нас в прошлом году умер младенец у Мариам, той, что живёт у нижней дороги. Она выла три дня. Её было слышно на всю улицу. Она не была счастливая, дедушка. Совсем не была.

Я почувствовал, что у меня горит лицо.

— И нищие не счастливые. Ты сам говорил, что нищий у ворот Храма — это самое несчастное, что есть в Иерусалиме.

Дедушка слушал и не перебивал.

— Я думал, Он скажет что-нибудь... ну... сильное, — закончил я уже тише. — А это как будто наоборот. Это как будто Он смеётся над ними.

Я испугался собственных слов и замолчал.

Дедушка долго ничего не говорил.

Потом протянул руку и положил мне ладонь на затылок, как делал, когда я был совсем маленьким.

— Давид, — сказал он, — знаешь, что я сделал в тот день, когда услышал это первый раз?

— Что?

— Я встал и пошёл вниз.

Я вытаращил глаза.

— Ты ушёл?

— Не ушёл. Отошёл. Спустился к воде. Сел на камень спиной к склону и стал смотреть на озеро. Мне было тридцать пять лет, я прошёл двенадцать дней пути, и я сидел и злился.

— На Него?

— На себя. И на Него. Я думал: я ехал сюда через всю страну, чтобы услышать сказку для бедных.

Я даже обрадовался.

— Значит, я не один такой?

— Ты не один такой, — сказал дедушка. — За две тысячи лет до тебя и после тебя все будут спотыкаться об эти слова.

— И что, ты так и ушёл?

— Нет. Я досидел до конца. Просто внизу.

— Почему?

Дедушка убрал руку.

— Потому что оттуда, снизу, мне было видно людей.

— И что?

— А то, Давид, что я стал смотреть им в лица. И увидел, что многие плачут.

Он замолчал.

— От обиды? — спросил я.

— Нет, — сказал дедушка. — Вот в этом и было всё дело. Не от обиды.

Он подтянул угли к середине костра.

— Женщина с ребёнком, с которой я шёл по дороге, сидела на траве недалеко от меня. И она плакала так, как плачут не от горя, а когда горе наконец кто-то назвал вслух.

Я не понимал.

Я честно не понимал, и мне было от этого нехорошо.

— Дедушка, объясни.

— Не сегодня.

— Ну почему опять!

— Потому что ты только что сказал самое честное, что можно сказать про эти слова, — ответил он. — Ты сказал: это неправда. Так сказал и я. Так говорил всякий, кто слышал их в первый раз.

Он посмотрел на меня.

— И если я сейчас быстро тебе всё объясню, ты кивнёшь, запомнишь и забудешь. А я хочу, чтобы ты поспорил.

— Я уже поспорил.

— Вот и хорошо. Поспорь ещё ночь.

Он лёг на бок и подтянул плащ к плечу.

— Завтра будем разбирать по одному. И начнём как раз с плачущих, раз тебя это задело больше всего.

Я лежал и смотрел вверх.

Внизу, где-то у дороги, лаяла чужая собака, и Кедар поднял голову, послушал и снова опустил.

Я думал о Мариам с нижней дороги.

И впервые в жизни мне пришло в голову, что я, наверное, чего-то не знаю про слово «счастье».

Глава 9. СЧАСТЛИВЫ ПЛАЧУЩИЕ?

В тот день я нарочно погнал стадо низом.

Обычно мы туда не ходим: там дорога, там пыль, там чужие ослы, и овцы нервничают. Но я погнал именно туда.

Мне надо было пройти мимо дома Мариам.

Не знаю, что я хотел увидеть. Наверное, я хотел проверить дедушкины слова, как проверяют, крепко ли держится камень в стене.

Мариам сидела у порога и перебирала чечевицу.

Она была обыкновенная.

Не счастливая и не несчастная. Просто женщина, которая перебирает чечевицу, отбрасывая мелкие камешки в сторону.

Она увидела меня и кивнула.

Я кивнул в ответ и погнал овец дальше, и всю дорогу у меня было чувство, что я сделал что-то нехорошее. Как будто подсматривал.

Вечером я рассказал об этом дедушке.

Я думал, он будет ругаться.

Он выслушал, помолчал и сказал:

— Ты хороший мальчик, Давид.

— Почему?

— Потому что ты не стал спорить со мной словами. Ты пошёл и посмотрел.

Он подложил в костёр ветку.

— Ну и что ты увидел?

— Ничего, — сказал я честно. — Она перебирала чечевицу.

— И это тебя сбило.

— Да.

Дедушка кивнул.

— Тогда начнём с этого. Скажи мне: она перестала плакать?

Я подумал.

— Наверное.

— Значит, ей стало хорошо?

Я хотел сказать «да» и вдруг понял, что не могу.

— Нет, — сказал я медленно. — Я не думаю, что ей хорошо.

— Почему?

— Потому что... — Я искал слова. — Потому что когда человеку хорошо, у него лицо другое. А у неё лицо как у человека, который просто делает дело.

Дедушка посмотрел на меня, и мне показалось, что он чему-то обрадовался.

— Ты сейчас увидел очень важную вещь, — сказал он. — Люди перестают плакать гораздо раньше, чем перестают горевать.

Ветер сдвинул дым в мою сторону, и я отодвинулся.

— Давид, теперь слушай внимательно. Я всю жизнь спотыкался об эти слова, и я хочу, чтобы ты хотя бы начал с правильного места.

— Хорошо.

— Он не сказал: хорошо, что вы плачете.

Я поднял голову.

— Не сказал?

— Нет. И это первое, что путают. Люди слышат «счастливы плачущие» и думают, что Бог считает горе полезным. Что нам, мол, нарочно даётся боль, чтобы мы стали лучше.

— А это не так?

— Это не так. Он нигде и никогда не говорил, что горе — это хорошо. Он Сам плакал, Давид. Я расскажу тебе об этом дне, когда дойдём.

Я не выдержал:

— Он плакал?

— Плакал. При всех. Стоял и плакал.

Я попытался это представить и не смог.

— Тогда что Он сказал?

Дедушка развёл ладони, будто держал что-то на весу.

— Он сказал две части. Люди запоминают первую и забывают вторую. А главное во второй.

— Счастливы плачущие, — начал я.

— Ибо они утешатся, — закончил дедушка. — Вот. Слышишь? Утешатся. Не «утешены». Не «им хорошо сейчас».

— Это про потом?

— Это про потом.

Он опустил руки.

— Он не сказал женщине, потерявшей ребёнка: тебе не больно. Он сказал ей: тебе не навсегда.

Я долго молчал.

Мне понадобилось время, чтобы это уложилось.

— Всё равно непонятно, — сказал я наконец. — Почему тогда «счастливы»? Можно же было сказать просто: «плачущие утешатся». А «счастливы» зачем?

Дедушка усмехнулся.

— Ты въедливый. В твоём отце этого не было.

— Дедушка.

— Хорошо. — Он потёр колено. — Давай зайдём с другой стороны. Скажи мне, кто в нашем селении никогда не плачет?

Я стал думать.

— Ну... сильные. Мужчины.

— Мужчины плачут, Давид. Просто не при тебе.

Я задумался снова.

— Тогда... маленькие дети?

— Маленькие как раз плачут больше всех.

Я сдался.

— Не знаю.

— Я тебе скажу, — сказал дедушка. — Никогда не плачет тот, кто решил, что у него всё в порядке.

Он смотрел в огонь.

— Есть такие люди. Я сам был таким полжизни. У него всё хорошо. Дом стоит. Дело идёт. Он поститься не забывает. Он даже беднякам подаёт. Он честно уверен, что ему ничего не нужно.

— Разве это плохо?

— Это очень удобно, — сказал дедушка. — И это очень страшно.

— Почему страшно?

Дедушка повернулся ко мне.

— Потому что такому человеку нечего дать Богу.

Я не понял.

— Как это нечего? У него же всё есть.

— Вот именно. У него всё есть. — Дедушка постучал палкой по земле. — Давид, представь. Приходит к тебе человек, у которого руки полны. В одной руке хлеб, в другой кувшин, подмышкой ещё что-то. И ты хочешь дать ему подарок. Куда ты его положишь?

Я представил.

— Некуда.

— Некуда, — повторил дедушка. — А теперь представь другого. Он стоит с пустыми руками.

Я кивнул медленно.

— Вот тебе и первые слова, — сказал дедушка. — Счастливы нищие духом.

— Это которые бедные?

— Не которые бедные деньгами. Которые знают, что у них пустые руки перед Богом. Богатый может это знать. Нищий может этого не знать и злиться на весь свет. Дело не в кошельке.

Он помолчал.

— Понимаешь теперь, почему рядом стоят нищие духом и плачущие?

Я стал соображать вслух:

— Потому что... тот, кто плачет, он тоже... у него руки пустые?

Дедушка кивнул.

— Горе, Давид, отбирает всё враньё. Человеку, у которого настоящая беда, вдруг становится всё равно, что о нём подумают соседи. Он перестаёт делать вид, что у него всё хорошо. Он в этот момент честный.

— И поэтому счастливый?

— И поэтому ближе.

— Ближе к чему?

— К Тому, Кто может его утешить.

Огонь опустился. Я подложил веток.

— Дедушка, а Мариам? — спросил я. — Ей же так и не вернули ребёнка.

Дедушка ответил не сразу.

— Не вернули.

— Тогда где утешение?

— А вот это, — сказал он, — самый честный вопрос, который человек может задать Богу.

И я не буду тебе врать, что у меня есть на него лёгкий ответ.

Он выпрямился и посмотрел на звёзды.

— Я скажу тебе то, что знаю сам. Он обещал не то, что мы придумываем.

— А что?

— Мы придумываем, что Бог придёт и сделает так, будто беды не было. Он обещал другое. Он обещал, что придёт день, когда беды не будет. Совсем. Ни у кого.

Я приподнялся на локте.

— А когда?

— Об этом будет вся третья часть моего рассказа, Давид, и до неё нам с тобой ещё далеко. Я расскажу тебе про старика Иоанна и про то, что он увидел на острове. Там есть одна строчка, ради которой стоит дожить до конца.

— Какая?

Дедушка помолчал.

— Больше не будет смерти.

Ветка стрельнула искрой.

— И не будет плача, — договорил он. — И Он отрёт всякую слезу с их глаз.

Я лежал и смотрел вверх.

— Дедушка.

— М-м.

— А ты плакал когда-нибудь?

Я спросил и сразу испугался.

Дедушка ответил очень спокойно.

— Да.

— Когда?

Он смотрел в огонь.

— Два года назад.

Я замер.

Я понял, о чём он.

Бабушка умерла позапрошлой зимой. Я помню плохо: помню, что в доме было много людей, что мать всё время меня куда-то отсылала, и что дедушка сидел на полу и не вставал.

— Я плакал не тогда, — сказал дедушка, будто слышал мои мысли. — При людях я держался. Я плакал потом, весной, когда стал чинить крышу и нашёл её сандалию за балкой.

Мне стало трудно дышать.

— И ты был счастливый? — спросил я.

Я не хотел, чтобы это прозвучало дерзко. Оно само так вышло.

Дедушка не обиделся.

— Нет, — сказал он. — Я был раздавленный.

Он повернул голову ко мне.

— Но я скажу тебе, Давид, что случилось той весной. Я сидел на крыше с этой сандалией и первый раз в жизни говорил с Богом не так, как в синагоге.

— А как?

— Как есть. Я Ему всё сказал. И плохое сказал.

— И что?

— И ничего не изменилось. Крыша не починилась. Бабушка не вернулась.

Он замолчал так надолго, что я решил — конец.

— И всё-таки я слез с этой крыши другим человеком, — сказал он. — Я не могу тебе это объяснить. Я могу только сказать, что не был один.

Костёр горел ровно.

— Вот что такое утешатся, — сказал дедушка. — Это не значит «перестанете горевать». Это значит «к вам придут».

Я лежал и думал.

— Дедушка.

— Что.

— А я почти не помню бабушку.

— Знаю.

— Мне из-за этого стыдно.

Дедушка протянул руку и накрыл ладонью мою ногу поверх плаща.

— Не надо стыдно, — сказал он. — Тебе было девять. Я тебе про неё расскажу. Не сегодня.

— Ты всё время говоришь «не сегодня».

— Я старый и жадный, — сказал дедушка. — Если я расскажу тебе всё сразу, о чём мы будем говорить завтра?

Я засмеялся, и от этого смеха внутри стало легче, хотя ничего не изменилось.

— А завтра о чём?

— Завтра о странном, — сказал дедушка. — Потому что дальше на том склоне Он повернулся к нам — к нам, Давид, к людям, которые сидели на траве, у которых ничего не было, — и сказал такое, чего я не понял вообще.

— Что?

Дедушка подтянул плащ и закрыл глаза.

— Он сказал: вы соль земли.

— Соль?

— Соль. И ещё Он сказал, что мы свет.

Я сел.

— Дедушка!

— Спи, Давид.

Глава 10. СОЛЬ И СВЕТ

В тот вечер мать положила нам в узел кусок овечьего сыра.

Это было редкостью, и я нёс его всю дорогу так осторожно, будто нёс яйцо.

Когда мы сели у костра, дедушка развязал узел, отломил мне кусок, и я сразу сунул его в рот целиком.

И сморщился.

Сыр был пресный.

— Забыла посолить, — сказал дедушка. — Такое бывает.

Он полез за пазуху и достал маленький кожаный мешочек. Я знал этот мешочек. Дедушка всегда брал его в поле.

Он развязал шнурок, взял щепоть и посыпал мой кусок.

Я откусил снова.

И это был совсем другой сыр.

— Вот, — сказал дедушка. — Теперь можно начинать.

Я не понял.

— Что начинать?

— Разговор.

Он положил мешочек между нами, на камень.

— Давид, скажи мне: ты когда-нибудь ел соль просто так?

— Ел, — признался я. — Один раз лизнул.

— И как?

— Плохо.

— Плохо, — согласился дедушка. — Сама по себе соль невкусная. Её никто не ест ложкой. И всё-таки без неё пресно всё.

Он поднял мешочек и взвесил его на ладони.

— Знаешь, сколько это стоит?

Я пожал плечами.

— Мешочек с ладонь, — сказал дедушка. — А я за него отдал столько же, сколько за два дня работы поденщика.

Я вытаращил глаза.

— За соль?

— За соль. Ты просто не думал об этом никогда, потому что она у нас всегда есть. А теперь подумай. Без соли рыбу из Галилеи невозможно довести до Иерусалима. Она сгниёт на второй день. Всё моё дело, Давид, вся моя торговля, весь мой дом — всё это стояло на соли.

Он высыпал несколько крупинок себе на ладонь и наклонил её к огню. Крупинки блеснули.

— И вот теперь я скажу тебе, что Он сказал нам на том склоне.

Я замер.

— Он посмотрел на этих людей. На рыбаков, на крестьян, на женщин с детьми, на больных, которых принесли на одеялах. На меня. И сказал: вы соль земли.

Я ждал продолжения.

Продолжения не было.

— И всё? — спросил я.

— Ты всё время спрашиваешь «и всё», — усмехнулся дедушка. — Давид, ты понимаешь, что Он сказал?

— Не очень.

— Тогда давай медленно.

Он ссыпал крупинки обратно в мешочек.

— Кто сидел на том склоне? Никто. Люди, у которых нет имени. Ни один из них не мог войти в Иерусалиме в дом первосвященника. Их бы не пустили дальше двора.

— Ну да.

— И вот таким людям Он говорит: вы — то, без чего всё сгниёт.

Я подумал.

— Дедушка, а это точно про них? Может, Он про Себя?

— Хороший вопрос, — сказал дедушка. — Нет, Давид. Он сказал «вы». Я это очень хорошо помню, потому что у меня тогда всё внутри перевернулось.

— Почему?

— Потому что за три дня до этого меня в Капернауме обозвали иудейским ослом. И я это проглотил. А тут сижу на траве и слышу, что я соль земли.

Я засмеялся.

Дедушка тоже усмехнулся, но потом стал серьёзным.

— И тут же Он сказал вторую вещь. Которая мне сначала не понравилась.

— Какую?

— Он сказал: а если соль потеряет силу, чем сделаешь её солёной? Она уже ни на что не годна, разве что выбросить под ноги людям.

Я нахмурился.

— Разве соль может стать несолёной?

— У нас — может, — сказал дедушка. — Ты знаешь, откуда берут дешёвую соль?

— Из моря?

— Из Солёного моря. Того, что на востоке, куда стекает Иордан. Там на берегу выпаривают воду, и получается не чистая соль, а смесь. Соль вперемешку с камнем и с горькой пылью. Если такой мешок полежит в сырости, соль вымоется, а порошок останется. С виду он такой же белый. А толку в нём нет.

— И что с ним делают?

— Высыпают на дорожку перед домом, чтобы не росла трава. По нему ходят.

Я представил себе белую пыль под ногами.

— Дедушка, а как человек может стать таким?

Дедушка долго молчал.

— Знаешь как? — сказал он наконец. — Незаметно.

Он подобрал палку и стал водить ею по земле.

— Не бывает так, чтобы человек утром проснулся и решил: сегодня перестану быть солью. Это как с тем мешком в сырости. Год за годом. Один раз промолчал, когда надо было сказать. Другой раз прошёл мимо. Третий раз объяснил себе, почему так можно.

Он поднял на меня глаза.

— И потом однажды смотришь — вроде всё то же самое. Тот же человек, тот же дом, та же синагога по субботам. А соли нет.

Мне стало не по себе.

Я вспомнил, как он рассказывал про своего друга. Про то, как замолчал.

Дедушка, кажется, понял, о чём я подумал, потому что сказал:

— Да. Я тоже об этом вспомнил.

Он бросил палку в огонь.

— А потом Он сказал третье. И вот тут я, Давид, поднял голову.

— Что Он сказал?

— Вы свет мира.

Я посмотрел на огонь.

Наш костёр был маленький. Круг света кончался в четырёх шагах.

— Как мы можем быть светом? — сказал я. — Свет — это солнце.

— Он сказал не про солнце.

Дедушка показал рукой вниз, туда, где в темноте лежало селение.

— Смотри.

Я повернулся.

Внизу, в чёрной чаше долины, светились маленькие рыжие точки. Их было немного, десятка полтора. Вифлеем стоит на холме, и снизу его видно издалека, а сверху видны окна.

— Он сказал: не может укрыться город, стоящий на верху горы.

Я смотрел на огоньки.

— И ещё Он сказал: и зажегши свечу, не ставят её под сосуд, но на подсвечник, и светит всем в доме.

Я усмехнулся.

— Ну это глупо, конечно. Кто же ставит светильник под горшок.

— Никто, — сказал дедушка. — В том и дело. У нас в доме одна комната и один светильник. Ты сам знаешь, как мать его ставит.

— На выступ в стене. Он маленький, а видно всё.

— Вот. Один маленький огонёк на всю комнату. Не потому что он сильный. А потому что стоит на месте, где его не заслоняют.

Я думал.

— Дедушка, я всё-таки не понимаю. Позавчера ты сказал, что Он назвал нас нищими. У которых пустые руки. А теперь мы соль и свет. Это же противоположное.

Дедушка повернулся ко мне всем телом.

— Давид.

— Что?

— Ты сейчас нашёл узел, который люди развязывают всю жизнь.

Я не знал, гордиться мне или пугаться.

— И как его развязать?

— А ты посмотри на светильник, — сказал дедушка. — В нём есть свет?

— Есть.

— Он его сам делает?

Я подумал.

— Нет. Там масло. И фитиль.

— А масло откуда?

— Кто-то налил.

Дедушка кивнул медленно.

— Вот тебе и весь узел. Светильник не источник. Он не гордится тем, что светит. Он просто стоит на видном месте и не мешает.

Он показал на мешочек с солью.

— И соль не гордится. Соль вообще не видно в еде. Её никто не хвалит. Хвалят хозяйку.

Я долго молчал.

— И знаешь, чем Он это закончил? — сказал дедушка. — Вот на этих словах я тогда впервые понял, что Он говорит не о нас.

— А о ком?

— Он сказал: так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославили Отца вашего Небесного.

Он посмотрел на меня.

— Слышишь? Не «чтобы хвалили вас».

Я повторил про себя эти слова.

— Дедушка, а Он часто так говорил? Отец?

— Постоянно, — сказал дедушка. — И вот к этому, Давид, я привыкал дольше всего.
— Почему?

Дедушка ответил не сразу.

— Потому что я вырос как все. Бог — это Тот, Кто на горе Синай, в громе и дыму. Тот, Кого нельзя называть по имени. Тот, к Кому в Храме входит один человек один раз в год, и то со страхом.

Он замолчал.

— А Он сидел на траве среди больных и говорил: Отец ваш.

Костёр почти прогорел. Внизу погасли два окошка из пятнадцати.

— Дедушка.

— М-м.

— А что было дальше? Ну там, на склоне.

— Дальше стало трудно, — сказал он. — Пока Он говорил про соль и свет, всем было хорошо. Люди улыбались. Кто-то даже начал подсказывать соседям, кивать: слышишь, это про нас.

— А потом?

— А потом Он сказал: вы слышали, что сказано — око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему.

Я приподнялся.

— То есть как не противься?

— Он сказал: если тебя ударят в правую щёку, поверни к нему и другую.

Я сел совсем.

— Дедушка, это невозможно.

Дедушка лёг на бок и подтянул плащ.

— Вот теперь я вижу, что ты меня внимательно слушаешь, — сказал он. — Об этом завтра.

— Ну дедушка!

— Спи, соль земли.

Глава 11. ЕСЛИ ТЕБЯ УДАРИЛИ

Дедушка заметил мою руку сразу.

Я думал, в темноте не видно. Но он взял меня за запястье, повернул кисть к огню и посмотрел на сбитые костяшки.

— Ефрем? — спросил он.

— Откуда ты знаешь?

— Из вас двоих больше не с кем.

Я выдернул руку.

— Он первый начал.

— Не сомневаюсь.

— Он сказал, что мой отец... — Я запнулся. — Он сказал плохое про отца.

Дедушка не стал спрашивать что.

— И ты его ударил.

— Я его ударил, — сказал я. — И правильно сделал.

Я ждал, что он начнёт меня отчитывать. Мать бы уже отчитывала.

Дедушка молча положил в костёр ветку.

— Ты вчера сказал «это невозможно», — произнёс он. — Про щёку.

— Сказал.

— А сегодня показал, насколько невозможно.

Я почувствовал, что у меня краснеют уши.

— Дедушка, но нельзя же...

— Подожди, — сказал он. — Не оправдывайся. Давай сначала я тебе объясню, что Он на самом деле сказал. А потом ты будешь спорить сколько хочешь.

Он подтянул к себе больную ногу.

— Начнём с того, что было раньше. Ты слышал: око за око, зуб за зуб?

— Слышал. Это в законе.

— Это в законе, — кивнул дедушка. — А теперь скажи мне, как ты понимаешь эти слова.

Я подумал.

— Ну... если тебе выбили зуб, ты имеешь право выбить зуб в ответ.

— Так думают все, — сказал дедушка. — И все ошибаются.

Я поднял голову.

— Давид, представь, что закона нет вообще. Совсем. Ефрем толкнул тебя. Ты его ударил. Его брат ударил тебя палкой. Твой отец пошёл к его отцу. Чем это кончается?

Я знал, чем.

У нас в позапрошлом году две семьи в соседнем селении дошли до того, что сожгли друг у друга овин.

— Плохо кончается, — сказал я.

— Очень плохо, — сказал дедушка. — Человек так устроен: если ему выбили один зуб, он хочет выбить два. Это называется месть, и у неё нет дна.

Он показал два пальца.

— И вот приходит закон Моисея и говорит: стой. Око за око. Не два ока за одно. Не весь род за одного. Ровно столько, сколько тебе сделали, и ни на волос больше.

Я моргнул.

— Это... это чтобы меньше?

— Это чтобы меньше, — сказал дедушка. — Люди читают эти слова как разрешение мстить. А они были поставлены, чтобы месть остановить. Это была стена, Давид. Через неё нельзя было перелезть.

Я никогда об этом так не думал.

— И вот Он сидит на склоне, — сказал дедушка, — и говорит: вы слышали, что сказано, око за око. А Я говорю вам...

Он замолчал.

— Понимаешь, что тут произошло?

— Что?

— Так не говорил ни один учитель. Никогда. Учитель у нас говорит: рабби такой-то толковал так, а рабби такой-то этак. Он опирается на тех, кто был до него. А Тут сидит человек и говорит: а Я говорю вам.

Я похолодел.

— Как будто Он выше закона?

— Как будто закон — Его.

Дедушка сказал это тихо.

— Я тогда не понял. Но я запомнил, как у меня по спине пошёл холод. И я оглянулся посмотреть, слышат ли другие то же самое.

Он поворошил угли.

— А потом Он сказал про щёку. И сказал вот как: кто ударит тебя в правую щёку, обрати к нему и другую.

— Ну вот, — сказал я. — Это и есть невозможное.

— Давид, встань.

Я удивился, но встал.

— Ударь меня в правую щёку. Не по-настоящему. Покажи.

Я протянул руку и остановился.

— Что не так? — спросил дедушка.

Я попробовал ещё раз и опять остановился.

— Неудобно, — сказал я.

— Почему?

— Я правша. Мне до правой щеки надо... — Я показал. — Или наотмашь тыльной стороной.

Дедушка кивнул медленно.

— Вот. Садись.

Я сел, ничего не понимая.

— Давид, в правую щёку не бьют кулаком. В правую щёку бьют вот так, тыльной стороной руки. И это не драка.

— А что?

— Это оскорбление. Так бьёт хозяин раба. Так бьёт римлянин иудея. Так бьёт человек, который считает, что ты ниже его. Ударить кулаком — значит признать в тебе равного. А тыльной стороной — значит сказать: ты никто.

Я почувствовал, как у меня сжались челюсти.

— И Он велел терпеть?

— Он велел повернуть вторую.

Дедушка подался вперёд.

— Подумай, что происходит, если ты поворачиваешь вторую щёку. Тебя ударили, чтобы ты стал маленьким. Ты не убежал. Ты не ударил в ответ. Ты стоишь и смотришь на него.

Я представил.

— Ему станет неудобно, — сказал я медленно.

— Ему станет очень неудобно, — сказал дедушка. — Потому что второй раз так уже не ударишь. Придётся или бить как равного, или отойти.

Я сидел и переваривал.

— Это не трусость, — сказал дедушка. — Давид, я хочу, чтобы ты услышал это сегодня и запомнил на всю жизнь. Он не сказал: будь тряпкой. Он не сказал: пусть с тобой делают что хотят. Он сказал: не становись таким, как тот, кто тебя ударил.

— Почему?

— Потому что если ты ответишь тем же, вы станете одинаковыми. Он ударил — и ты ударил. Всё. Вас двое, и вы больше не отличаетесь ничем.

Я вспомнил Ефрема, лежащего в пыли, и своё лицо в тот момент.

Мне это не понравилось.

— А дальше Он сказал про плащ, — продолжал дедушка. — Если кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

— Так нельзя, — сказал я. — Плащ нельзя забирать. В законе написано, что плащ надо вернуть до заката, потому что человеку в нём спать.

— Правильно. Ты внимательно слушал в синагоге.

— Тогда почему Он так сказал?

— Потому что Он сказал: отдай сам. Не «пусть отберут». Отдай сам. Разница между «у меня взяли» и «я отдал» — это вся разница на свете, Давид.

Он помолчал.

— А потом Он сказал самое трудное. И вот тут склон загудел.

— Что?

— Он сказал: кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.

Я не сразу понял, а когда понял — вскочил.

— Это про солдат?

— Это про солдат.

Я знал этот закон. Его знает каждый мальчишка у нас. Римский солдат может остановить любого на дороге и заставить нести свою поклажу. Одну милю. Он не обязан спрашивать. Он не платит.

— И Он велел нести две? — сказал я. — Дедушка, да их и одну-то...

— Я нёс, — сказал дедушка.

Я замолчал.

— Расскажи.

Дедушка долго смотрел в огонь.

— Это было на дороге под Иерихоном. Мне было двадцать с чем-то, ещё до всего. Их шло четверо. Один поставил мне на плечи мешок и показал пальцем вперёд.

— И что ты?

— И я понёс.

— А он?

— А он шёл рядом и всю дорогу говорил. Не мне. Своим. Обо мне, но не мне. Я не понимал слов, я тогда не знал по-гречески почти ничего. Но я понимал, как они смеются.

Дедушка сжал палку.

— Я нёс этот мешок ровно тысячу шагов. Они считали вслух. А потом он снял его с меня, и они пошли дальше.

Он повернулся ко мне.

— Давид, я до сих пор помню его лицо. Двадцать с лишним лет прошло. Я помню, какой у него был нос.

Я не знал, что сказать.

— И вот я сижу на траве, — сказал дедушка, — и слышу: иди с ним два.

— И что ты подумал?

Дедушка ответил не сразу.

— Я подумал: нет.

Я выдохнул.

Мне стало легче от того, что он так сказал.

— Я подумал: всё, что Ты говорил до этого, было хорошо. Но это не для нас. Ты не знаешь, как это, когда тебе ставят мешок на плечи.

Дедушка усмехнулся горько.

— Мне понадобилось много лет, чтобы понять, что Он-то как раз знал.

— В смысле?

— Дойдём, — сказал дедушка. — Дойдём до последней ночи, и ты вспомнишь этот разговор. Его тоже били по лицу. И Ему тоже ставили на плечи.

Я почувствовал, что у меня по коже пошли мурашки, но переспрашивать не стал.

— Дедушка.

— Что.

— А если пройти две мили — что изменится? Мешок всё равно на мне.

Дедушка поднял голову.

— Изменится, кто хозяин.

— Не понял.

— Первую милю ты идёшь как вещь. Ты идёшь, потому что тебя заставили. А на второй ты идёшь, потому что решил сам. Он не может тебя заставить идти вторую. Тут кончается его власть и начинаешься ты.

Я долго молчал.

— Всё равно тяжело, — сказал я.

— Тяжело, — согласился дедушка. — Я, Давид, не буду тебе врать и говорить, что научился. Я семнадцать лет как знаю эти слова и до сих пор иногда просыпаюсь и думаю про того солдата.

Он положил руку на колено.

— Но кое-что со мной случилось.

— Что?

— Я перестал хотеть, чтобы он умер.

Я посмотрел на него.

— И это всё?

— Это очень много, — сказал дедушка. — Это гораздо больше, чем ты сейчас думаешь.

Мы помолчали.

— А Он ещё что-нибудь сказал? — спросил я наконец.

— Сказал. Последнее и самое невозможное.

— Ну?

— Любите врагов ваших и молитесь за обижающих вас.

Я поморщился.

— Дедушка, ну как?

— Не знаю, — просто сказал дедушка.

Я удивился.

— Как не знаешь?

— Так. Не знаю, как это делается сразу. Но я знаю, с чего это начинается.

— С чего?

— С молитвы. Он сказал: молитесь за них. Не «полюбите их», а «молитесь». Понимаешь? Начни не с сердца. Сердце ты не переделаешь. Начни со слов.

Он бросил палку в огонь.

— Попробуй как-нибудь. Про Ефрема.

Я фыркнул.

— Я не знаю, как за него молиться. И вообще, дедушка, я не очень умею молиться. Я знаю только то, что все говорят.

Дедушка посмотрел на меня и вдруг улыбнулся.

— Знаешь, — сказал он, — а ведь на том склоне кто-то спросил Его почти то же самое. Я насторожился.

— И что Он?

— Он научил нас молитве, — сказал дедушка. — Короткой. Такой короткой, что ты выучишь её за один вечер и будешь разбирать всю жизнь.

Я подскочил.

— Скажи!

— Завтра.

— Дедушка!

— Завтра, — сказал он и лёг. — И ложись. Руку помочи в воде утром, а то распухнет.

Глава 12. МОЛИТВА, КОТОРУЮ ОН ДАЛ НАМ

Утром я ходил за водой и встретил Ефрема.

Он шёл навстречу с пустым кувшином, и у него под глазом было жёлто-зелёное пятно.

Мы посмотрели друг на друга.

Он прошёл мимо.

Я прошёл мимо.

И потом весь день у меня было гадко на душе, хотя, если рассудить, я ничего плохого не сделал. Ну прошёл и прошёл. Не здороваться же после такого.

Вечером я не стал ничего рассказывать дедушке.

Я сразу сказал:

— Ты обещал молитву.

— Обещал, — сказал дедушка.

Он сел, устроил ногу поудобнее и вдруг спросил:

— Давид, а ты знаешь, зачем люди молятся?

— Ну как зачем. — Я пожал плечами. — Чтобы просить.

— Только просить?

— Ещё хвалить. И благодарить. Так учат.

— Так учат, — согласился дедушка. — А теперь скажи мне: ты сам когда последний раз молился?

Я стал думать и понял, что не помню.

То есть я говорил слова. По субботам, вместе со всеми. Перед едой. Когда мать заставляла.

А сам — не помню.

— Не знаю, — сказал я честно.

— Хорошо, что не соврал, — сказал дедушка.

Он подобросил ветку.

— Тогда слушай. Он ведь начал не с молитвы. Он начал с того, как не надо.

— Как не надо?

— Он сказал: когда молитесь, не будьте как лицемеры, которые любят молиться, стоя на углах улиц, чтобы люди их видели.

Я хихикнул.

— Дедушка, я знаю одного такого.

— Все знают одного такого, — сказал дедушка. — В каждом селении есть человек, который молится громче всех и обязательно там, где ходят люди.

Он поворошил угли.

— А потом Он сказал вторую вещь, и вот она мне тогда не понравилась.

— Какую?

— Он сказал: не говорите лишнего, как язычники, которые думают, что в многословии своём будут услышаны.

— Почему не понравилась?

Дедушка помолчал.

— Потому что я так и молился, — сказал он. — Я думал, что чем длиннее, тем лучше. Как будто Бог считает слова. Как будто можно Его уговорить, если долго стоять.

— А разве нет?

— Он сказал: знает Отец ваш, в чём вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.

Я нахмурился.

— Тогда зачем вообще просить? Если Он уже знает.

Дедушка посмотрел на меня и улыбнулся.
— Ты сегодня быстрый.
— Ну а правда, зачем?
— А зачем ты вечером рассказываешь матери, как прошёл день? — спросил дедушка.
— Она и так знает, что ты пас овец.
Я открыл рот и закрыл.
— Молитва, Давид, не для того, чтобы Бог узнал новости. Она для того, чтобы ты не жил рядом с Ним молча.
Он выпрямился.
— А потом Он сказал: молитесь же так.
Я замер.
— И вот теперь слушай внимательно, потому что я скажу тебе слова, которых у нас не говорил никто и никогда.
Костёр трещал.
— Отче наш, сущий на небесах.
Я ждал продолжения и не сразу заметил, что дедушка остановился.
— Дальше, — сказал я.
— Нет, — сказал дедушка. — Стой здесь.
— Здесь же ещё ничего не сказано.
— Здесь сказано всё.
Он повернулся ко мне.
— Давид, как у нас называют Бога?
Я стал перечислять то, что слышал в синагоге:
— Господь. Всевышний. Царь вселенной. Святой, благословен Он.
— А теперь скажи: как ты называешь своего отца, когда он приходит домой?
Я растерялся.
— Ну... папа.
— Вот, — сказал дедушка. — Он назвал Бога так, как ты называешь отца. И велел нам делать то же самое.
Я почувствовал что-то странное. Как будто мне сказали, что можно войти туда, куда всегда было нельзя.
— Дедушка, а это... можно?
— Вот и я так спросил, — сказал дедушка. — Я сидел на траве и думал: сейчас кто-нибудь встанет и скажет, что это кошунство.
— И никто не встал?
— В тот день никто. Потом вставали. И ещё как.
Он подложил ветку.
— И заметь ещё одно слово. Не «Отче мой». Отче наш.
— Почему?
— Потому что нельзя сказать «наш» и при этом думать только о себе. Если Он Отец мой, то Ефрем мне кто?
Я дёрнулся.
— При чём тут Ефрем?
— Ни при чём, — спокойно сказал дедушка. — Просто к слову пришлось.
Я насупился, но промолчал.
— Дальше, — сказал дедушка. — Да святится имя Твоё. Да приидет Царствие Твоё. Да будет воля Твоя и на земле, как на небе.
— Это про то, что Он будет царём?
— Это про то, что мы этого хотим.

— А разве мы не хотим?

Дедушка усмехнулся.

— Давид, мы все хотим, чтобы царство было наше, а воля была наша. А тут человек становится и говорит: пусть будет Твоя. Знаешь, это самые трудные четыре слова во всей молитве. Их легко сказать, когда всё хорошо.

— А когда плохо?

— А когда плохо, они застревают.

Он посмотрел в темноту.

— Я скажу тебе одну вещь наперёд. Придёт ночь, о которой я тебе расскажу, — последняя Его ночь, в саду, за городом. И Он будет молиться. И скажет почти это же самое. Своими словами, но это же.

Я не понял, но у меня почему-то сжалось внутри.

— Дальше, — попросил я.

— Хлеб наш насущный дай нам на сей день.

Я оживился.

— Вот это понятно.

— Что тебе понятно?

— Хлеб. Просить хлеба. Это нормально.

— А что тут ещё есть, кроме хлеба?

Я перечитал про себя.

— На сей день, — сказал я медленно.

— Вот, — сказал дедушка. — Не на месяц. Не на год. На сегодня.

Он поднял на меня глаза.

— Ты знаешь, как платят поденщику?

— Вечером.

— Вечером, — кивнул дедушка. — Каждый вечер за прошедший день. И утром он снова идёт на площадь и снова не знает, возьмут его или нет. Так живёт половина нашего народа, Давид. И Он велел молиться именно так.

— Это же страшно.

— Это честно. Мы все так живём, только богатые этого не замечают.

Он поправил плащ.

— А теперь то, ради чего я сегодня терпел твоё молчание про Ефрема.

Я вскинулся.

— Дедушка!

— Прости нам долги наши, — сказал дедушка, — как и мы прощаем должникам нашим.

Я сидел и молчал.

— Ты понял, что тут сказано?

— Понял, — буркнул я.

— Ты не понял, — сказал дедушка. — Ты думаешь, тут сказано: прости меня, я хороший, я тоже прощаю. А тут сказано другое.

— Что?

— Тут сказано: поступи со мной так же, как я поступаю с ним.

Я поднял голову.

— Это же...

— Да, — сказал дедушка. — Это страшная молитва, Давид. Мы её говорим быстро и не слышим, что говорим. А человек в ней просит: Господи, отмерь мне той же меркой, какой я отмеряю Ефрему.

Я почувствовал, как у меня загорелось лицо.

— Он ещё и объяснил, — сказал дедушка. — Он один раз за всю проповедь остановился и повторил. Ни к чему больше Он не возвращался, а к этому вернулся. Он сказал: если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный. А если не будете прощать, то и Отец ваш не простит вам.

— Дедушка, это несправедливо.

— Почему?

— Потому что получается, что Бог как будто торгуется. Ты мне — я тебе.

Дедушка покачал головой.

— Не торгуется. Дело не в этом.

Он протянул руку к костру и сжал кулак.

— Смотри. Вот моя рука. В ней зажата обида. Крепко. Я держу её и никому не отдам, потому что она моя и я прав.

Он поднёс кулак ближе.

— А теперь положи мне в руку что-нибудь.

Я растерянно взял камешек и потыкал им в его пальцы.

— Не получается, — сказал я.

— Не получается, — согласился дедушка и разжал ладонь. — Не потому что я плохой. А потому что рука занята.

Я долго смотрел на его раскрытую ладонь.

— Дальше есть? — спросил я тихо.

— Есть. И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.

— Это про что?

— Это про то, что мы себя знаем, — сказал дедушка. — Это молитва человека, который не хвастается. Который говорит: не доводи меня до края. Я могу не выдержать.

Он замолчал.

— Всё?

— Всё, — сказал дедушка. — Вот такая она короткая.

Я сидел и повторял её про себя. Она правда оказалась короткой. Я запомнил почти всю с одного раза.

— Дедушка.

— М-м.

— А Он Сам как молился?

Дедушка ответил не сразу.

— Я видел это один раз, — сказал он. — Случайно. Мы ночевали большой толпой у озера, и я проснулся перед рассветом, потому что замёрз.

— И что?

— И увидел, что Он уходит.

— Куда?

— Вверх по склону. Один. Знаешь, Давид, весь день вокруг Него были тысячи людей. Все чего-то хотели. Все тянули руки. А ночью Он вставал и уходил туда, где никого нет.

— И что Он там делал?

— Я не пошёл смотреть, — сказал дедушка. — Мне почему-то стало стыдно. Как будто я подглядываю в чужое окно.

Он усмехнулся.

— Я только видел, как Он идёт вверх по тёмному склону. И подумал: Он тоже идёт разговаривать с Отцом.

Костёр догорал.

Мы долго молчали.

Потом я лёг, натянул плащ до подбородка и уставился в звёзды.

— Дедушка, — сказал я в темноту.

— Что.

— Я не хочу молиться про Ефрема.

— Знаю.

— У него нос кривой и он врёт.

— Знаю.

Я помолчал.

— А если я скажу неправильно?

— Как это неправильно?

— Ну... если я скажу, а внутри всё равно на него злюсь.

Дедушка ответил очень спокойно:

— Скажи как есть. Скажи: я на него злюсь, и я не хочу его прощать, и Ты знаешь об этом.

— Это можно?

— Это единственное, что можно.

Я закрыл глаза.

И потом, когда я слышал по дыханию, что дедушка уснул, я тихо, почти без голоса, сказал в свой плащ:

— Отче наш, сущий на небесах...

Я дошёл до долгов и остановился.

Я лежал и злился ещё, наверное, сто ударов сердца.

А потом сказал:

— И Ефрем.

Больше я ничего не придумал.

Но мне вдруг стало так легко, что я тут же уснул.

Глава 13. ГДЕ ТВОЁ СОКРОВИЩЕ?

Днём по нижней дороге прошёл караван.

Я загнал овец повыше и долго смотрел сверху.

Восемь ослов, четыре верблюда, погонщики. Впереди ехал хозяин. Я разглядел, что у него на поясе висит кошель, а на пальце что-то блестит.

Я смотрел, пока они не скрылись за поворотом.

И вечером, ещё не сев толком, сказал дедушке:

— Когда я вырасту, я буду торговать. Как ты раньше.

Дедушка ничего не ответил.

Он развязывал узел с едой и как будто не расслышал.

— Дедушка.

— Я слышал.

— И что ты скажешь?

Он положил хлеб на камень.

— Я скажу, что нам с тобой пора поговорить о деньгах.

Я обрадовался. Я думал, он будет рассказывать, как торговался и сколько зарабатывал.

— А почему ты перестал? — спросил я. — Ну, возить.

Дедушка помолчал.

— Об этом в конце, — сказал он. — Сначала о том, что Он говорил.

Он сел.

— Он сказал так: не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут.

Я кивнул. Это было понятно.

— Ты понимаешь, о чём тут речь?

— О деньгах.

— Не только. Давид, скажи, как богатый человек хранит своё богатство?

Я подумал.

— В деньгах?

— Отчасти. Много монет держать опасно, их отбирают. Богатство у нас — это, во-первых, ткани. Хорошие одежды. У богатого человека в сундуках лежат плащи, которые он ни разу не надевал.

— Зачем?

— Затем, что это как деньги. Их можно продать, отдать в приданое, заплатить ими долг.

Он поднял палец.

— И вот тут моль.

Я усмехнулся. Про моль я знал всё. У нас в доме мать перекладывала шерсть травой и всё равно каждую весну находила дырки.

— Дальше, — сказал дедушка. — Ржа. Ржа — это про железо и про зерно. Зерно портится. Мыши, сырость, жучок. Богатый человек держит амбар, а амбар надо стеречь и проветривать, и всё равно часть пропадёт.

— А воры подкапывают?

— А это ты и сам знаешь. У нас стены из чего?

— Из глины с соломой.

— Вот. Дверь можно запереть на засов, а стену подкопать за одну ночь. Так и делают.

Дедушка развёл руками.

— Понимаешь, что Он сказал? Он не сказал: богатство — это грех. Он сказал: богатство — это дырявый мешок.

Я задумался.

— То есть Он сказал, что это глупо?

— Именно. Он говорил об этом как о простом расчёте. Как торговец с торговцем.

Дедушка усмехнулся.

— И вот поэтому меня зацепило. Меня, Давид, не проповедью зацепило. Меня зацепило тем, что Он был прав по счёту.

— А что тогда собирать?

— Он сказал: собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут.

— Как это — на небе?

— Я тогда тоже не понял, — сказал дедушка. — Я думал, что это красивые слова. Потом понял, что это про то, что уходит с тобой.

— Разве с человеком что-то уходит?

— Уходит, — сказал дедушка. — Только не то, что мы думаем.

Он поворошил угли.

— Ты видел, как хоронят богатого?

— Видел.

— Что у него было с собой?

Я вспомнил.

— Ничего. Полотно.

— Полотно, — кивнул дедушка. — И ни одного осла.

Я поёжился.

— А потом Он сказал главное, — продолжал дедушка. — Одну строчку, ради которой всё остальное. Слушай.

Он выпрямился.

— Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.

Я повторил про себя.

— Я не понял, — признался я.

— Тогда давай проверим на тебе, — сказал дедушка. — О чём ты думал сегодня весь день?

Я хотел ответить и осёкся.

— О караване, — сказал я тихо.

— А чем ты занимался?

— Пас овец.

— А думал?

— О караване.

Дедушка кивнул.

— Вот. Твоё тело было на склоне, а сердце ушло вниз по дороге вместе с тем кошельком.

Я почувствовал себя пойманным.

— Он не сказал: где твоё сердце, там будет твоё сокровище, — сказал дедушка. — Он сказал наоборот. Сначала выбираешь, что для тебя дорого. А сердце потом само туда переезжает. Оно всегда идёт следом. Всегда, Давид.

Костёр качнулся от ветра.

— И тогда Он сказал ещё одну вещь, которая у нас в семье потом дорого стоила.

Я насторожился.

— Какую?

— Он сказал: никто не может служить двум господам. Ибо или одного возненавидит, а другого возлюбит, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть.

— Почему двум?

— Потому что раб не бывает у двоих. Ты либо принадлежишь этому дому, либо тому. И Он закончил так: не можете служить Богу и богатству.

Я подумал.

— А почему нельзя понемножку? Ну, чуть-чуть Богу и чуть-чуть...

— Потому что богатство не берёт понемножку, — сказал дедушка. — Оно берёт всего.

Он посмотрел на меня.

— Давид, я это знаю не из проповеди. Я это знаю по себе. Я двадцать лет вставал раньше всех и ложился позже всех, и у меня в голове круглый год было одно: сколько взять, за сколько отдать, кому не верить.

— И это плохо?

— Работать не плохо. Плохо, когда ты в субботу сидишь в синагоге и считаешь мешки.

Я хихикнул.

— А ты считал?

— Считал, — сказал дедушка без улыбки.

Он замолчал.

— А потом Он сказал про птиц.

Я поднял голову.

— Про каких птиц?

— Он показал рукой. Прямо там, над склоном, кружились птицы, как всегда над водой. И Он сказал: взгляните на птиц небесных, они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?

Я невольно посмотрел вверх, хотя была ночь и никаких птиц там не было.

— И ещё Он сказал про цветы, — продолжал дедушка. — Весь склон был в цветах. Знаешь, такие красные, которые у нас после дождей.

— Знаю. Они через неделю сохнут.

— Через неделю их сжигают вместе с травой в печи, — сказал дедушка. — И Он сказал: посмотрите на полевые лилии, как они растут. Не трудятся, не прядут. Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них.

Я представил себе царя Соломона и красный цветок рядом.

Мне понравилось.

— Хорошо сказано, — сказал я.

— Хорошо, — согласился дедушка. — А потом Он сказал: не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своём. Довольно для каждого дня своей заботы.

И вот тут я не выдержал.

— Нет, — сказал я. — Дедушка, нет.

— Что нет?

— Так нельзя.

Я даже сел.

— Я пастух. Если я не буду думать про завтра, что будет? Я должен знать, где вода. Я должен знать, куда гнать через неделю, потому что здесь трава кончается. Я должен думать про волков. Если я не буду про это думать, овцы умрут.

Я говорил громко и, кажется, обиженно.

Дедушка слушал и, к моему удивлению, кивал.

— Всё верно, — сказал он.

— Как верно? Он же сказал...

— Он сказал не то, что ты услышал.

Дедушка подобрал палку.

— Давид, между «подумать о завтрашнем дне» и «изводиться из-за завтрашнего дня» лежит целая пропасть. Ты сейчас говоришь про первое. А Он говорил про второе.

— В чём разница?

— В том, что первое кончается делом, а второе не кончается ничем.

Он нарисовал палкой черту на земле.

— Ты подумал, что через неделю здесь кончится трава. Хорошо. Ты решил, куда пойдёшь. Всё, вопрос закрыт до срока.

Он нарисовал вторую черту, рядом.

— А теперь другое. Ты лежишь ночью и думаешь: а если не будет дождя? А если овца заболит? А если отец рассердится? А если, а если, а если. И к утру ты не сделал ничего, только не выспался.

Я молчал, потому что это было прямо про меня.

— Он ведь так и сказал, — добавил дедушка. — Кто из вас, заботясь, может прибавить себе роста хотя бы на локоть?

Я невольно засмеялся.

— Никто.

— Никто. Вот и всё.

Он бросил палку.

— И Он сказал, с чего начинать. Это, Давид, самая важная строчка. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам.

— Прежде?

— Прежде. Не вместо. Он не сказал: не работайте. Он сказал: не ставьте это на первое место.

Мы помолчали.

Костёр прогорел до углей, и стало холоднее.

— Дедушка.

— Что.

— Ты так и не сказал, почему перестал возить.

Дедушка долго не отвечал.

— Не сразу, — сказал он наконец. — Это не было так, что я послушал и всё бросил на другой день. Это тянулось несколько лет.

— И как это было?

— Сначала я перестал возить в субботу. Потерял на этом много, потому что караваны ходят когда им удобно, а не когда мне.

— А потом?

— Потом я перестал давать в рост. У меня было двое должников в нашем селении, и я им простил.

Я моргнул.

— Совсем?

— Совсем.

— А потом?

Дедушка усмехнулся.

— А потом настал плохой год. И я, вместо того чтобы придержать зерно до весны, когда цена втрое, раздал его.

Я смотрел на него.

— И ты разорился?

— Не разорился, — сказал дедушка. — Но того дела, что было, не стало. Ослов я продал. Осталось это.

Он показал рукой на стадо.

Я долго молчал.

И потом спросил то, что боялся спросить:

— Дедушка, а отец из-за этого на тебя сердится?

Дедушка не удивился вопросу.

— Сердится, — сказал он просто.

— Сильно?

— Твой отец, Давид, вырос в доме, где было полно всего. А сейчас он считает каждый кувшин масла. И он думает, что это я так решил за него.

Он посмотрел в огонь.

— И знаешь что? Он в чём-то прав.

Я не ожидал этого.

— Как прав?

— Я не всё сделал правильно, — сказал дедушка. — Я не буду тебе рассказывать, что я святой. Я много раз перегибал. Я иногда раздавал не потому, что любил людей, а потому, что мне хотелось поскорее доказать самому себе, что я уже не тот.

Он замолчал.

— И семье было тяжело. Это правда, и я не буду её прятать.

Мне стало не по себе.

— Тогда... тогда, может, не надо было?

Дедушка поднял голову.

— Давид, я не знаю, как надо было. Я знаю только, что если бы я тогда ничего не менял, я бы сейчас сидел не здесь.

— А где?

— В доме. С сундуками. И моль бы их ела.

Он подтянул плащ.

— И я бы никогда не рассказал тебе всего этого. Потому что мне некогда было бы сидеть ночью с внуком и смотреть на звёзды.

Я лёг и стал думать.

Я думал про караван, и про кошель, и про то, как блестело у хозяина на пальце.

Странно, но теперь это уже не казалось мне таким красивым.

— Дедушка.

— М-м.

— А отец с тобой помирится?

Дедушка ответил не сразу.

— Я об этом молюсь, — сказал он.

Мы долго лежали молча.

— А завтра о чём? — спросил я.

— Завтра о том, почему я не имею права судить твоего отца, — сказал дедушка. — И почему ты не имеешь права судить меня.

Глава 14. НЕ СУДИ

В тот вечер к нам поднялся отец.

Он никогда не поднимался.

Я увидел его, когда он был уже совсем близко: он шёл быстро, как ходят люди, которые хотят поскорее сделать дело и уйти.

Кедар побежал к нему и завилал хвостом.

— Волк, — сказал отец вместо приветствия. — У северной балки. Хаим видел следы утром. Двух коз задрал у Аси.

— Слышу, — сказал дедушка.

Отец постоял.

— Загоняй к стенке. И не спи.

— Я не сплю, — сказал дедушка.

Отец посмотрел на меня.

— Ты как?

— Хорошо, — сказал я.

— Руку показывал матери?

— Показывал.

Он кивнул.

Потом наступила тишина, и она была такая тяжёлая, что я стал смотреть на огонь.

— Сядь, — сказал дедушка. — Хлеб есть.

— Мне идти надо, — сказал отец.

— Куда?

— Надо.

Он повернулся и пошёл вниз.

Уже шагах в десяти он остановился и сказал, не оборачиваясь:

— Плащ у тебя худой. Мать новый шьёт.

И ушёл.

Мы долго молчали.

Дедушка встал, взял палку и пошёл обходить стадо. Обошёл, подогнал двух отбившихся ярок к стенке, вернулся и сел.

— Ну, — сказал он. — Про сучок и бревно.

Я поднял голову.

— Дедушка, а вы почему...

— Не спеши, — сказал он. — Сначала слова, потом мы.

Он поправил плащ.

— Он сказал так: не судите, да не судимы будете.

Я сразу нахмурился.

— Дедушка, а как же тогда... Ну если человек ворует? Про него что, нельзя сказать, что он вор?

— Хороший вопрос, — сказал дедушка. — И ты не первый, кто его задаёт. Слушай внимательно, потому что тут очень легко всё вывернуть наизнанку.

Он поднял палец.

— Он не сказал: не отличайте хорошее от плохого. Он Сам всё время называл вещи своими именами, и довольно резко, ты ещё это услышишь. Он не был человеком, который со всем соглашается.

— Тогда что Он сказал?

— Есть разница, Давид, между «это плохо» и «этот человек плохой».

Я подумал.

— Не улавливаю.

— Смотри. Когда ты говоришь «воровать плохо» — ты говоришь про дело. А когда ты говоришь «Ефрем плохой» — ты уже говоришь про человека целиком. Ты как будто сел на место судьи, вызвал его, выслушал и вынес приговор.

— Ну и что?

— А то, что судья должен знать всё, — сказал дедушка. — Он должен знать, что было до. Что человек думал. Чего боялся. Что с ним делали в детстве.

Он посмотрел на меня.

— Ты про Ефрема это знаешь?

Я хотел сказать «знаю», но осёкся.

— Нет.

— И я не знаю. И никто не знает, кроме Одного.

Дедушка поворошил угли.

— А дальше Он сказал вот что: каким судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить.

— Это как с прощением, — сказал я. — Как в молитве.

Дедушка повернулся ко мне.

— Молодец. Заметил.

Я почувствовал себя очень довольным.

— Это одно и то же, — сказал дедушка. — Ты сам себе выбираешь мерку. Если ты меряешь людей строго, ты и живёшь в мире, где всех меряют строго. В том числе тебя.

— А если мягко, то все будут наглеть.

Дедушка засмеялся.

— Ты сейчас говоришь как твой отец.

Я вздрогнул. Я не знал, обидеться или нет.

— А потом, — сказал дедушка, — Он сказал такое, что весь склон засмеялся.

Я удивился.

— Там смеялись?

— Ещё как. Давид, ты почему-то думаешь, что там все сидели с постными лицами. Нет. Он умел сказать так, что люди смеялись. И вот тут они смеялись громко.

— Что Он сказал?

Дедушка развёл руками.

— Он сказал: что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазу не чувствуешь?

Я представил.

И тоже засмеялся.

— Бревно в глазу?

— Бревно, — кивнул дедушка. — Не щепка. Не палка. Балка. Такая, на которой крыша держится.

Он показал руками, какая.

— И заметь, откуда картинка.

— Откуда?

— Со стройки. Из мастерской. Он ведь вырос при плотнике, Давид. Он с детства видел, как тешут балки и как летит стружка. Он и говорил как человек, который работал руками.

Мне это почему-то очень понравилось.

— И это же правда смешно, — сказал я. — Человек с бревном в глазу подходит и говорит: погоди, у тебя там соринка, дай выну.

— Смешно, — согласился дедушка. — А потом Он назвал такого человека одним словом. И вот тут перестали смеяться.

— Каким?

— Лицемер.

Костёр тихо оседал.

— Он сказал: лицемер, вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.

Я задумался.

— Дедушка, подожди. Значит, всё-таки можно вынимать сучок у брата?

Дедушка посмотрел на меня с удовольствием.

— Ты второй раз за вечер поймал самое главное.

— Правда?

— Правда. Слушай. Люди из этих слов делают вот что: раз я не идеальный, значит, я вообще молчу и не вмешиваюсь. Пусть каждый живёт как хочет.

— А это не так?

— Это не то, что Он сказал. Он не сказал: оставь сучок в покое. Он сказал: сначала своё бревно, потом увидишь, как вынуть.

— А зачем сначала своё?

— Затем, что глаз — вещь нежная, — сказал дедушка. — Ты когда-нибудь вынимал соринку у ягнёнка?

— Вынимал.

— Как?

Я вспомнил.

— Осторожно. Держишь голову, дуешь, потом краем платка.

— А если бы ты сам ничего не видел?

Я представил, как лезу пальцами в глаз ягнёнку вслепую, и поморщился.

— Я бы ему хуже сделал.

— Вот, — сказал дедушка. — Он не про то, чтобы отвернуться. Он про то, чтобы сначала научиться видеть.

Он замолчал.

Внизу, далеко, в стороне северной балки, кто-то из соседних пастухов стукнул палкой о камень: два раза, потом ещё два. Так у нас передают, что всё спокойно.

Дедушка послушал, кивнул сам себе и повернулся ко мне.

— А теперь про нас.

Я подобрался.

— Ты хотел спросить про отца.

— Хотел, — сказал я тихо.

— Спрашивай.

Я долго не решался.

— Дедушка, а он... — Я подбирал слова. — Он ведь неправ, да? Ну, что он на тебя злится из-за денег. Ты же ради Бога сделал. А он всё считает и считает.

Я говорил и чувствовал, что говорю правильно, и мне даже было приятно так говорить.

Дедушка слушал.

Потом сказал:

— Давид, ты сейчас вынимаешь у него сучок.

Я осёкся.

— Я просто...

— Ты просто сел на место судьи, — сказал дедушка. — Тебе одиннадцать лет, и ты уже вынес приговор своему отцу. И знаешь, самое неприятное: ты вынес его в мою пользу, поэтому мне очень хочется согласиться.

Я молчал.

— А теперь я тебе скажу про своё бревно, — сказал дедушка. — Слушай, потому что об этом я никому не рассказывал.

Он смотрел в огонь.

— Твой отец рос при мне. С шести лет я брал его в дорогу. Я учил его смотреть на товар. Я учил его торговаться. Я учил его не верить на слово и всегда пересчитывать. Я говорил ему: сын, деньги — это стены нашего дома.

Он замолчал.

— И он выучился. Хорошо выучился, лучше меня. Он у меня в четырнадцать лет уже сам сторговал партию масла.

— И что?

— А потом я переменялся, — сказал дедушка. — И начал делать всё наоборот. И ни разу — ни разу, Давид, — я не сел и не объяснил ему по-человечески, что со мной случилось. Я просто раздавал. А он смотрел.

Я начал понимать, и мне стало нехорошо.

— Я двадцать лет учил своего сына считать, — сказал дедушка. — А потом обиделся на него за то, что он умеет считать.

Он поднял на меня глаза.

— Вот это и есть бревно.

Мы долго молчали.

— И что теперь? — спросил я.

— Теперь я стар, а он взрослый, и между нами двадцать лет молчания, — сказал дедушка. — И я не знаю, как это разбирают. Наверное, по одной балке за раз.

Он усмехнулся невесело.

— Ты заметил, что он сказал перед уходом?

Я вспомнил.

— Про плащ.

— Про плащ, — сказал дедушка. — Он поднялся сюда в темноте, чтобы предупредить про волка, а сказал ещё и про плащ.

— Это много?

— Это очень много, Давид.

Я лёг на бок и стал смотреть на огонь.

— Дедушка.

— М-м.

— А я как? У меня есть бревно?

Дедушка помолчал.

— Ты хочешь, чтобы я тебе сказал?

— Хочу.

— Тогда я скажу одно. Ты очень любишь быть правым.

Я хотел возразить и понял, что как раз собирался возразить.

— Это не самое страшное, — сказал дедушка. — Но это тяжёлая штука. С этим потом всю жизнь ходят.

Он подтянул угли.

— Ладно. Про волка не забудь. Спим по очереди.

— А завтра о чём?

— Завтра конец проповеди, — сказал дедушка. — Он в самом конце рассказал про двух человек, которые строили дома.

— И что?

— У одного дом устоял, а у другого рухнул. И вся разница была в том, чего не видно.

Я хотел спросить ещё, но дедушка уже встал и пошёл с палкой к северному краю стада.

Глава 15. ДОМ НА КАМНЕ

Волк не пришёл.

Всю ночь мы спали по очереди. Дедушка будил меня в середине, я сидел с палкой у огня, слушал темноту и вздрагивал от каждого шороха. Кедар лежал, положив морду на лапы, и время от времени поднимал одно ухо.

Под утро я разбудил дедушку, потому что мне показалось, что внизу мелькнула тень.

Оказалось, осёл соседа сорвался с привязи.

Дедушка не рассердился, что я поднял его зря.

— Правильно разбудил, — сказал он. — Лучше сто раз зря, чем один раз поздно.

Днём мы отсыпались по очереди, и вечером я был вялый и не такой быстрый на язык, как обычно.

— Устал? — спросил дедушка.

— Немного.

— Тогда сегодня простое. Конец проповеди.

Он подождал, пока разгорится костёр.

— Давид, ты помнишь, с чего Он начал?

Я стал вспоминать.

— Со счастья. Счастливы плачущие.

— А чем закончил, я тебе сейчас скажу. И между этими двумя концами — вся проповедь. Про щёку. Про молитву. Про сокровище. Про суд. Всё, о чём мы с тобой говорили эти дни.

Он поворошил угли.

— И вот люди слушали. Долго. Уже начало клониться к вечеру, тени вытянулись. И многие, я думаю, устали так же, как ты сейчас.

— И что?

— И тут Он сказал вещь, из-за которой всё сказанное превращается либо в жизнь, либо в ничто.

Я поднял голову.

— Он сказал: не всякий, говорящий Мне «Господи, Господи», войдёт в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного.

— Я не совсем понял.

— Сейчас поймёшь. Скажи мне: легко сказать «Господи»?

— Легко.

— А легко подставить щёку?

Я поморщился.

— Нет.

— Вот в этом всё дело. Слова ничего не стоят. Их произнести — раз плюнуть. Он сказал: можно всю жизнь говорить Мне красивые слова и не сделать ни одного.

Дедушка подобрал палку.

— А потом Он рассказал про двух строителей. И это, Давид, я запомнил на всю жизнь, потому что тут Он снова говорил про то, что знал руками.

Он начал чертить палкой по земле.

— Представь двух человек. Оба строят дом. Оба хотят одного: чтобы дом стоял и чтобы в нём было тепло и сухо. Оба, заметь, кладут одни и те же стены. Со стороны их дома не отличишь.

— В чём же разница?

— В том, чего не видно. В основании.

Он ткнул палкой в землю.

— Ты видел, как у нас строят?

— Видел. Копают.

— Копают, — кивнул дедушка. — И вот один человек ленивый или спешит. Он приходит на ровное сухое место, где мягкая земля, и говорит: здесь и поставлю. Копать не надо, земля хорошая, лопата легко идёт. Он быстро складывает дом и к осени уже живёт.

— А другой?

— А другой мучается. Он выбрал место похуже, где под тонким слоем земли — камень. Он бьёт кирками, откалывает, ровняет. Он злится, у него ломит спину, соседи над ним смеются: чего ты копаешь, вон рядом мягко. А он докапывается до скалы и на ней ставит первый камень.

Дедушка выпрямился.

— И оба дома стоят. Всё лето стоят. И осенью стоят. И со стороны первый дом даже красивее, потому что тот человек не устал на основании и успел украсить.

— А потом?

— А потом приходит зима.

Дедушка провёл палкой длинную борозду.

— Ты знаешь наши дожди, Давид. Полгода сухо, а потом за одну ночь небо прорывает. И вода идёт не как у равнинных народов, тихонько. У нас вода идёт стеной. Сухое русло, где летом играют дети, за час превращается в реку, которая тащит камни.

Я знал. Позапрошлой зимой у нас так снесло мостик у нижней дороги.

— И вот эта вода приходит к двум домам, — сказал дедушка. — Он так и сказал: пошёл дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот.

— И что?

— Дом на камне устоял. Вода била в него, ветер рвал, но он стоял, потому что был связан со скалой. А дом на песке...

Дедушка резко провёл палкой поперёк своих линий.

— Он сказал: и было падение его великое.

Я поёжился.

— Великое, — повторил дедушка. — Не «покопался». Не «дал трещину». Упал весь, сразу, целиком. Ночью, в бурю, вместе с теми, кто внутри спал.

Мы помолчали.

— Дедушка, а это про что? — спросил я. — Про настоящие дома?

— А ты как думаешь?

Я подумал.

— Про людей, наверное.

— Про людей. Он ведь прямо сказал, кто есть кто. Тот, кто слушает Мои слова и исполняет их, — тот строит на камне. А кто слушает и не исполняет — тот строит на песке.

Я нахмурился.

— Значит, тот, кто на песке, тоже слушал?

— Вот, — сказал дедушка. — Ты опять поймал. Оба слушали. Понимаешь? Разница не в том, слышал человек или нет. Оба сидели на склоне. Оба кивали. Может, оба даже плакали в нужных местах.

— Тогда в чём?

— В том, что один пошёл домой и стал жить по-другому, а другой пошёл домой и остался прежним. Вот и всё основание, Давид. Оно не в ушах. Оно в руках и ногах.

Я смотрел на бороздки, которые дедушка начертил в пыли.

— А буря — это что? — спросил я тихо.

Дедушка ответил не сразу.

— Буря у всех разная, — сказал он. — У кого-то это горе. У кого-то нищета. У кого-то война, а её, Давид, на наш век ещё хватит.

Он посмотрел в темноту.

— Но одна буря приходит ко всем без разбора.

— Какая?

— Смерть.

Слово упало в тишину, и я почему-то не испугался, а просто затих.

— Она приходит и к дому на камне, и к дому на песке, — сказал дедушка. — Одинаково. Она не спрашивает, красивый дом или нет. И вот в эту бурю становится видно, на чём человек стоял всю жизнь.

Костёр тихо горел.

— Дедушка.

— Что.

— А ты на чём стоишь?

Я сам испугался своего вопроса.

Дедушка долго молчал.

— Я тебе честно скажу, — произнёс он. — Полжизни я строил на песке и был очень доволен своим домом. Он был большой и красивый, и я украшал его каждый год.

— А потом?

— А потом я увидел Человека на берегу. И начал перекладывать основание. А это, Давид, страшнее, чем строить заново.

— Почему страшнее?

— Потому что дом уже стоит. В нём живут. И чтобы добраться до основания, надо разорвать часть того, что построил. По живому.

Он посмотрел на свои руки.

— Я до сих пор перекладываю. Я не достроил. Я умру, наверное, на середине.

Мне стало грустно от этих слов.

— Это плохо? — спросил я. — Умереть на середине?

Дедушка вдруг улыбнулся.

— Нет, — сказал он. — Потому что дом строю не только я.

Я не понял.

— А кто ещё?

— Об этом ты узнаешь позже. Пока просто запомни: тот, кто кладёт основание на этой скале, кладёт его не в одиночку.

Он подтянул плащ.

— Ну вот и вся проповедь. От счастья до дома на камне.

— А что было, когда Он закончил?

— Народ дивился, — сказал дедушка. — Так и осталось у меня в памяти это слово: дивился. Люди сидели и не расходились. Он замолчал, а тишина ещё держалась.

— Почему?

— Потому что, сказано, Он учил их как власть имеющий, а не как книжники.

— Опять это, — сказал я. — Как в тот раз. «А Я говорю вам».

Дедушка посмотрел на меня с уважением.

— Ты хорошо запоминаешь, Давид. Держи это в уме. Мы к этому ещё придём, и тогда всё сойдётся.

Я лёг.

— А завтра?

— А завтра, — сказал дедушка, — я расскажу тебе, как Он спустился с горы. Внизу Его ждала толпа. И из толпы вышел человек, к которому у нас никто не подходил ближе, чем на бросок камня.

Я приподнялся.

— Почему?

— Потому что он был прокажённый.

— И что Он сделал?

Дедушка помолчал.

— Он его коснулся.

— И всё?

— Давид, — сказал дедушка, — ты не понимаешь, что я тебе сейчас сказал. Но завтра поймёшь. А сейчас спи, потому что снова наша очередь стеречь.

Глава 16. ПРИКОСНОВЕНИЕ

— Ты вчера сказал слово, — начал я, едва мы сели. — Прокажённый.

— Сказал.

— Я знаю это слово. Но я никогда не видел.

— И слава Богу, что не видел, — сказал дедушка.

Он долго молчал, глядя в огонь, будто решал, как об этом говорить с одиннадцатилетним.

— Давид, я расскажу тебе, что это, потому что без этого ты не поймёшь, что Он сделал.

Но это будет неприятно.

— Я не боюсь.

— Дело не в страхе.

Он подбросил ветку.

— Есть болезнь, от которой тело человека начинает умирать по кусочку, пока он ещё жив. Кожа идёт пятнами, потом язвами. Пальцы... — Он запнулся. — Пальцы человек может потерять и не почувствовать. Лицо меняется так, что мать не узнаёт сына.

Я сглотнул.

— И это заразно, — сказал дедушка. — Или люди так думают, я не знаю точно. Но из-за этого по нашему закону такой человек должен уйти.

— Куда уйти?

— Из селения. Совсем. Он не может жить с людьми. Не может войти в дом. Не может прийти в синагогу. Не может обнять жену и детей.

— А где же он живёт?

— Где придётся. Такие сбиваются вместе, живут в пещерах за городом, у свалок, у дороги.

Кормятся тем, что бросят.

Я представил и почувствовал холод.

— И ещё одно, Давид, самое тяжёлое. Когда такой человек идёт по дороге и видит людей, он обязан кричать.

— Кричать?

— Кричать: нечист, нечист. Чтобы все успели отойти.

Я сидел молча.

Я пытался это представить — что я иду и должен сам кричать людям, чтобы они от меня шарахались, — и не мог.

— И он должен это делать до самой смерти, — сказал дедушка. — А умирают они долго.

Костёр треснул.

— Сколько лет никто не касался такого человека? — сказал дедушка тихо, будто сам себя спрашивал. — Год. Пять. Десять. Представь, Давид: десять лет к тебе никто не прикоснулся. Ни разу. Даже случайно, плечом в толпе.

Я вдруг понял, что мне сегодня утром отец потрепал волосы, а мать поправила ворот. И я даже не заметил.

— И вот, — сказал дедушка, — Он спустился с горы. Толпа шла за Ним. И на дороге стоял такой человек.

— Как он там оказался? Ему же нельзя к людям.

— Нельзя, — сказал дедушка. — Он нарушил закон, когда подошёл. Он рисковал тем, что его прогонят камнями. Но он подошёл.

— Почему?

— Потому что он услышал про Него. Понимаешь, Давид, этот человек уже всё потерял. Ему нечего было терять. И он сделал последнее, что мог.

Дедушка выпрямился.

— Он не побежал в толпу. Он упал на колени поодаль, как и положено, чтобы не подходить близко. И крикнул. Только в этот раз не «нечист».

— А что?

— Он крикнул: Господи, если хочешь, можешь меня очистить.

Я подумал над этими словами.

— Дедушка, а почему «если хочешь»? Он что, не был уверен?

— Ты услышал самое важное, — сказал дедушка. — Слушай, как он построил свои слова. Он не сомневался, что Иисус может. В этом он был уверен: можешь очистить. Он сомневался в другом. Захочет ли.

— А почему бы не захотеть?

Дедушка посмотрел на меня.

— Давид, этому человеку десять лет все объясняли, что он наказан. Что Бог отвернулся от него. Что если он такой, значит, заслужил. Он привык, что от него отворачиваются. И он привык думать, что Бог — тоже.

Я молчал.

— Он и от Бога ждал того же, что от людей, — сказал дедушка. — «Можешь, конечно. Но захочешь ли Ты возиться со мной? Со мной, от которого шарахаются?»

Костёр горел ровно.

— И вот тут, — сказал дедушка, и голос у него изменился, — Он сделал то, чего не сделал бы ни один человек в мире.

— Что?

— Прежде чем ответить, Он протянул руку.

Дедушка медленно протянул свою руку к огню, будто показывал.

— Вся толпа отшатнулась. Я знаю, потому что стоял в этой толпе и сам отшатнулся. Мы все подались назад, разом. Тело само отходит, Давид, тут не думаешь.

— А Он?

— А Он шагнул вперёд. И коснулся его.

Дедушка замолчал.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил он наконец.

— Он его вылечил.

— Нет. Подожди с этим. Он ещё ничего не сказал, не вылечил. Он сначала коснулся. Он тронул его раньше, чем очистил.

Дедушка наклонился ко мне.

— По нашему закону, кто коснётся прокажённого, сам делается нечистым. Понимаешь? Грязь переходит от больного к здоровому. Так у нас всё устроено: чистое боится нечистого. Здоровый бережётся от больного. Ты не подходишь к тому, кто в язвах, потому что это перейдёт на тебя.

— И Он стал нечистым?

— По закону — да. В ту секунду, когда Его рука легла на эту кожу, Он, по всем нашим правилам, стал таким же изгоем, как тот человек.

Дедушка поднял палец.

— Но случилось наоборот.

— Как наоборот?

— Не грязь перешла на Него. А чистота перешла на того. Не Он испачкался. А тот очистился.

Я сидел и старался это вместить.

— Всю жизнь, Давид, нас учат беречься. Не касайся, не то запачкаешься. И это правда работает: если ты сунешь чистую руку в грязь, чистой останется грязь, а не рука. Так всегда.

— А тут?

— А тут пришёл Тот, в Ком было столько чистоты, что она пошла в обратную сторону. Дедушка откинулся назад.

— И только потом Он сказал слова. Он сказал: хочу, очистишь.

— Хочу, — повторил я.

— Хочу. Первое слово. Понимаешь? Человек спросил: захочешь ли? И первое, что он услышал в ответ, было — хочу.

Я почувствовал, что у меня защипало в глазах, и мне стало стыдно, и я стал смотреть в огонь, чтобы дедушка не заметил.

Дедушка заметил, но ничего не сказал.

— И болезнь ушла, — добавил он тихо. — Сразу. Кожа стала как у ребёнка.

Мы долго молчали.

— Дедушка, — сказал я наконец. — А зачем Он коснулся? Он же мог просто сказать «хочу, очистишь» и всё. Издалека. И тот бы всё равно вылечился.

Дедушка посмотрел на меня долго.

— Ты задал вопрос, над которым я думал тридцать лет, — сказал он.

— И что ты надумал?

— Слушай. Этот человек был болен телом. Иисус мог вылечить тело словом, не сходя с места. Но у этого человека была ещё одна болезнь. Ты её не увидишь глазами.

— Какая?

— Он десять лет был один. Его никто не касался. И вот если бы Иисус вылечил его словом издалека — тело бы выздоровело, а та, вторая рана, осталась бы.

Я начал понимать.

— То есть Он вылечил и то, что не видно?

— Он вернул ему не только кожу, — сказал дедушка. — Он вернул ему то, что человек теряет вместе с прикосновением. Он первый за десять лет сказал ему без слов: ты не грязь. К тебе можно подойти. Тебя можно тронуть.

Дедушка помолчал.

— Слово вылечило бы больного. А рука вылечила изгнанника.

Я смотрел на огонь и думал про человека, к которому десять лет никто не подходил.

— Дедушка.

— М-м.

— Мне отец сегодня потрепал волосы. Утром. Я даже не заметил.

Дедушка повернулся ко мне.

— А сейчас заметил.

— Сейчас заметил.

Он кивнул медленно.

— Вот. Значит, история дошла.

Я лёг и натянул плащ.

Мне было о чём подумать, но я так устал за две ночи с волком, что глаза закрывались сами.

— А завтра? — спросил я уже в полусне.

— А завтра будет буря, — сказал дедушка.

Я приоткрыл глаз.

— Настоящая?

— Настоящая. На озере. Они плыли ночью, и вода едва не потопила лодку. А Он спал.

— Спал в бурю?

— Спал. И вот тогда ученики впервые по-настоящему испугались. Не воды.

— А чего?

Дедушка укрыл меня краем своего плаща.

— Его.

И больше в тот вечер он ничего не сказал.

Глава 17. БУРЯ

Днём небо было странное.

С утра жара, а к полудню с запада поползла муть. Не тучи, а как будто кто-то развёл в небе молоко. Овцы беспокоились. Кедар не находил себе места и всё время смотрел в сторону холмов.

— Будет ветер, — сказал дедушка. — Загоним пораньше.

Мы спустили стадо к самой стенке, и я стал собирать ветки на ночь, побольше обычного, потому что в ветер огонь ест дрова быстро.

К вечеру задуло по-настоящему. Огонь ложился набок и рвался. Дым метался. Разговаривать приходилось громче.

— В такую погоду ты мне про бурю и расскажешь, — сказал я. — Заодно.

Дедушка усмехнулся.

— Заодно.

Он придвинулся ближе к стенке, где ветер был потише.

— Ты помнишь, я говорил, что среди тех, кого Он позвал, были рыбаки. Симон, Андрей, братья Зеведеевы.

— Помню. Они бросили сети.

— Так вот, эти люди выросли на воде. Они знали то озеро, как ты знаешь эти холмы. Они умели читать небо. Они знали, откуда придёт ветер и когда надо возвращаться.

— И что?

— А то, что в ту ночь испугались даже они.

Дедушка подтянул плащ.

— Был вечер. Он устал. Ты не думай, Давид, что Он не уставал. Целый день Его окружали люди. Кто болен, кто со своей бедой, кто просто поглазеть. К вечеру Он сказал ученикам: переправимся на ту сторону.

— Зачем?

— Чтобы побыть в тишине. На том берегу было пусто, ни городов, ни толп. Они сели в лодку и отплыли.

— А Он?

— А Он лёг на корме и уснул.

Дедушка показал рукой в темноту, будто там была лодка.

— Понимаешь, Он так устал, что уснул сразу, ещё пока было спокойно. Ему подложили что-то под голову, и Он спал.

— А потом?

— А потом пришла буря.

Ветер как раз рванул сильнее, и искры полетели в сторону. Я невольно проследил за ними глазами.

— То озеро, Давид, лежит низко. Ниже всех вод, какие есть. А вокруг него горы. И когда ветер срывается с этих гор вниз, он бьёт по воде так, что она встаёт стеной. И приходит это внезапно. Только что было тихо — и вот уже вода в лодке.

— И они не успели вернуться?

— Не успели. Они были на середине. Кругом чернота, вода, ветер. Волны стали перекачиваться через борт. Лодку заливало. Эти люди, которые всю жизнь на воде, вычерпывали из всех сил и понимали, что не справляются.

Я представил себе чёрную воду и лодку в ней, и мне стало не по себе, хотя я сидел у огня на твёрдой земле.

— А Он?

— А Он спал.
Я не поверил.
— Спал? В такое?
— Спал, — сказал дедушка. — На корме, на том же месте. Вода уже в лодке, люди кричат, а Он спит.
— Как можно спать в бурю?
Дедушка посмотрел на меня.
— Запомни свой вопрос. Мы к нему вернёмся.
Он поправил огонь палкой.
— И вот они не выдержали. Они бросили черпать и кинулись к Нему. И разбудили. И знаешь, что они закричали?
— Что?
— Учитель! Неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?
Я замолчал.
Что-то в этих словах было такое, что я сразу узнал, хотя не смог бы объяснить.
— Они не просто звали на помощь, — сказал дедушка. — Слышишь, в чём они Его упрекнули? Тебе нужды нет. Тебе всё равно. Мы тут тонем, а Ты спишь.
— Они на Него разозлились?
— Со страху — да. Так бывает, Давид. Когда человеку очень страшно и рядом кто-то спокоен, страх иногда оборачивается злостью. Им казалось, что Ему всё равно.
Ветер загудел в камнях стенки. Одна овца заблеяла, и Кедар поднялся, обошёл стадо и снова лёг.
— И что Он сделал? — спросил я.
Дедушка помолчал, готовя ответ.
— Он встал.
— И?
— И сначала — заметь это, Давид, — Он не стал ничего объяснять. Он не сказал: подождите, сейчас разберёмся. Он повернулся к воде.
Дедушка поднял руку.
— И сказал ветру и волнам два слова. Умолкни. Перестань.
— И что?
— И настала великая тишина.
Ветер за спиной у нас как раз на секунду опал, будто нарочно, а потом задул снова. У меня по коже пробежали мурашки.
— Сразу? — спросил я шёпотом.
— Сразу. Ты не понимаешь, что это, потому что не видел бури на воде. Когда ветер стихает, вода ещё долго ходит. Волны не могут остановиться враз, они по своей воле ещё качаются, качаются, потом успокаиваются. А тут — сразу. Ветра нет, и вода стоит гладкая, как масло. В один миг.
Я сидел молча.
— И вот тут, — сказал дедушка, — случилось то, ради чего я тебе всё это рассказываю. Ты думаешь, они обрадовались?
— Ну... да. Они же спаслись.
— Нет, Давид. Они испугались ещё сильнее.
Я поднял голову.
— Сильнее, чем в бурю?
— Гораздо сильнее. В буре они боялись воды. А теперь они посмотрели на Него — и стало страшно от Него.
— Почему?

Дедушка подался вперёд.

— Подумай. Кто может приказывать буре?

Я подумал.

— Никто.

— Никто, — повторил дедушка. — Человек может спрятаться от бури. Может её переждать. Может утонуть в ней. Но приказать ей — нет. Это не во власти человека. Это вообще ничьё дело, Давид. Море и ветер у нас никого не слушаются.

Он посмотрел на меня.

— И вот они сидят в мокрой лодке, вокруг мёртвая тишина, и до них медленно доходит. Они переспрашивали друг друга. Так и сказано: кто же это, что и ветер и море повинуются Ему?

— Кто же это, — повторил я.

— Вот. Это главный вопрос всей книги, Давид. Я тебе его буду задавать ещё много раз, разными словами. Ученики задали его в ту ночь первыми.

Костёр трещал и рвался на ветру.

— Дедушка, — сказал я. — А почему Он спал? Ты сказал, что мы вернёмся.

— Вернулись, — кивнул дедушка. — Думай сам. Почему человек спит?

— Когда устал.

— А ещё?

Я задумался.

— Когда... спокоен. Когда не боится.

— Вот, — сказал дедушка. — Ты не уснёшь там, где тебе страшно. Сон — это доверие. Ты засыпаешь, только если считаешь, что вокруг безопасно.

Он показал на воду в темноте, которой не было видно, но которую я теперь ясно себе представлял.

— Он спал в буре, потому что для Него это не была буря. Ты понимаешь? Мы видим стену воды и кричим «погибаем». А Он видел то же самое и спал. Значит, Он знал про эту воду что-то, чего не знали рыбаки, которые прожили на ней всю жизнь.

Я долго молчал.

— Дедушка, а Он их потом ругал?

— Не ругал. Спросил. Он спросил: что вы так боязливы? Как у вас нет веры?

— Это упрёк?

— Это вопрос, — сказал дедушка. — Разные вещи. Он не сказал: как вы посмели меня разбудить. Он спросил: почему вы решили, что тонете, если Я в лодке?

Я обдумывал это.

— Дедушка, но ведь они правда тонули. Вода была в лодке. Это же не выдумка.

— Не выдумка, — сказал дедушка. — И вот это, Давид, очень важно, и я хочу, чтобы ты это унёс с собой. Буря была настоящая. Он её не отменил заранее. Он позволил ей быть. Лодку правда заливало. Им правда было страшно, по-настоящему, не понарошку.

— Тогда в чём вера?

— Вера не в том, чтобы не было бури, — сказал дедушка. — Вера в том, Кто с тобой в лодке.

Ветер снова загудел, и я плотнее закутался в плащ.

— Смотри, — сказал дедушка. — У нас сейчас тоже ветер. И тебе немного не по себе, я вижу.

— Немного, — признался я.

— А теперь скажи: тебе так же страшно, как было бы одному?

Я подумал.

Ветер был тот же. Темнота та же. Волк, может быть, всё ещё бродил где-то у северной балки.

— Нет, — сказал я. — С тобой не так страшно.

— А что изменилось? Ветер тот же.

— Ты рядом.

Дедушка кивнул медленно.

— Вот и весь урок, — сказал он. — Ничего умнее я тебе не скажу.

Мы посидели молча, слушая, как ветер треплет огонь.

— Дедушка.

— М-м.

— А тебе бывает страшно?

Дедушка ответил не сразу.

— Часто, — сказал он. — Я старый, Давид. У старого человека много поводов бояться. Я боюсь за твоего отца. Боюсь за тебя. Боюсь того, что идёт на наш народ, а идёт беда, я это чувствую.

Он смотрел в огонь.

— И вот в такие ночи я вспоминаю ту лодку. И говорю себе: Он спал. Значит, можно.

— Что можно?

— Уснуть, — сказал дедушка. — Даже в бурю. Если знаешь, Кто в лодке.

Он подтянул плащ на плечи.

— Давай спать по очереди. Я первый посижу. Ты ложись.

Я лёг спиной к стенке, лицом к огню.

Ветер гудел, но дедушка сидел рядом с палкой, и Кедар лежал у самых моих ног, и я, сам не заметив как, уснул под этот вой — крепко, без снов, как спят только в детстве рядом с тем, кто не спит за тебя.

А наутро ветер стих, и небо было вымыто до синевы, как будто ночью кто-то сказал ему: умолкни.

Глава 18. ПОЧЕМУ ОН ЕСТ С ГРЕШНИКАМИ?

Мытаря я увидел в тот же день.

Мы гнали десяток овец на продажу к нижней дороге, где стоит будка сборщика. За столиком сидел человек, которого у нас звали Закхеем — не тем, знаменитым, а нашим, местным, я потом узнал, что имя это у мытарей частое.

Он взял с отца больше, чем отец рассчитывал.

Отец не спорил. С мытарем не спорят. За его спиной, в тени, сидел скучающий солдат.

Отец отсчитал монеты, забрал бумагу и пошёл прочь, и лицо у него было такое, что я не решился ничего спросить.

Вечером я рассказал дедушке.

— Дедушка, а почему их все ненавидят? Мытарей.

— Садись, — сказал дедушка. — Как раз про это.

Он подождал, пока я устроюсь.

— Скажи сначала сам: за что их не любят?

— Они забирают деньги.

— Сборщик податей есть у всех народов, Давид. Деньги забирают везде. У нас их ненавидят особенно. Подумай почему.

Я стал думать.

— Потому что для римлян?

— Вот. Мытарь — это наш, еврей. Свой. Он собирает деньги со своих же, чтобы отдать их римлянам. Тем самым, которые нас держат. Понимаешь? Он работает на тех, кто нас топчет. Против своих.

— Предатель, — сказал я.

— Так его и называют. И это ещё не всё. Он берёт больше, чем положено. Рим требует с него столько-то, а сколько он сдерёт сверху — его дело. Всё, что сверх, он кладёт себе. И ты ему ничего не докажешь, потому что за его спиной сидит солдат.

Я вспомнил солдата в тени.

— Значит, он ещё и вор.

— Предатель и вор, — сказал дедушка. — А теперь слушай, что было.

Он поворошил угли.

— Когда Иисус ходил по Капернауму, там сидел такой человек. У будки, за столом. Собирали пошлину с тех, кто вёз товар через город. Звали его Левий. Потом он стал зваться Матфеем.

— И что?

— Иисус проходил мимо. Толпа шла за Ним, как всегда. И вот все прошли мимо этого стола, как проходят мимо кучи навоза, — не глядя, чуть отвернувшись. А Он остановился.

— Возле мытаря?

— Возле мытаря. Посмотрел на него. И сказал два слова. Те же самые, что рыбакам. Следуй за Мной.

Я даже сел.

— За мытарем?!

— За мытарем.

— Но он же... Дедушка, рыбаки — ладно. Они честные, они работают. А этот — вор и предатель. Как можно такого звать?

— Вот, — сказал дедушка. — Ты сейчас сказал ровно то, что сказал весь город. Слово в слово.

Он посмотрел на меня.

— И вот что было дальше. Левий встал из-за стола и пошёл. Бросил всё. А ты понимаешь, что он бросил? Рыбак, если что, может вернуться к сетям. А мытарь, который бросил место, назад его не получит. На это место сразу сядет другой. Он сжёг за собой всё.

— И куда он пошёл?

— Домой. И позвал Иисуса к себе есть. И вот тут началось самое интересное.

Дедушка подложил ветку.

— У мытаря дом богатый. И друзья у мытаря — такие же, как он. Другие мытари. Люди, с которыми порядочный человек за один стол не сядет. И вот они все собрались. Полон дом того, кого в городе презирают. И Иисус сел с ними есть.

— Прямо ел с ними?

— Прямо ел. За одним столом. Из общих блюд.

Я нахмурился. Я пытался понять, почему дедушка говорит об этом так, будто это важнее исцелений.

— Дедушка, ну поел и поел. Что тут такого?

Дедушка посмотрел на меня внимательно.

— Давид, у нас с кем человек ест — с тем он свой. Ты понимаешь это не хуже меня. Мы не садимся за стол с кем попало. Разделить хлеб — это не просто поесть. Это сказать: ты мне свой, я тебя принимаю.

Он поднял палец.

— Поэтому когда Он сел есть с мытарями, Он этим как бы объявил на весь город: эти люди — Мои.

— И что город?

— А город возмутился. И правильно, с их точки зрения, возмутился. Пришли люди учёные, знающие закон, строгие, — фарисеи, ты ещё услышишь это слово не раз. И они не посмели спросить Его самого. Они подошли к ученикам и спросили с укором: почему Учитель ваш ест с мытарями и грешниками?

— Хороший вопрос, — сказал я. — Я бы тоже спросил.

— Ты и спросил. Заглавием этого вечера.

Я усмехнулся.

— И что Он ответил?

Дедушка помолчал, будто смакуя.

— Он услышал вопрос и ответил Сам. И ответил так, что крыть было нечем. Он сказал: не здоровые имеют нужду во враче, но больные.

Я подумал.

— Врач, — повторил я.

— Врач, — кивнул дедушка. — Смотри, как просто. Кого лечит врач? Больных. Если врач ходит к больным, ты же не скажешь: фу, он общается с больными, какой плохой врач. Наоборот. Он для того и врач.

— То есть Он сказал, что мытари — больные?

— Он сказал вот что: если Я пришёл лечить, странно требовать, чтобы Я сидел только со здоровыми. К здоровым Меня и звать незачем.

Я обдумывал это.

— И ещё Он добавил, — сказал дедушка. — Я пришёл призвать не праведников, но грешников.

Тут я запутался.

— Подожди. А праведники Ему не нужны?

— Хороший вопрос, — сказал дедушка. — Очень хороший. Слушай внимательно, тут легко ошибиться.

Он подобрал палку.

— Кого Он называет праведниками в этих словах? Тех, кто на самом деле хорош? Нет. Тех, кто сам себя считает хорошим. Кто уверен, что он здоров.

— А это разве плохо?

— А вспомни. Что я тебе говорил про руки, полные добра?

Я вспомнил разговор про нищих духом.

— Что в полные руки нельзя ничего положить.

— Вот. Человек, который уверен, что он здоров, к врачу не пойдёт. Зачем? Он же здоров. И вылечить его нельзя — не потому, что врач не может, а потому, что он не придёт.

Я начал понимать.

— То есть дело не в том, что праведники Ему не нужны. А в том, что они сами не идут. Дедушка посмотрел на меня с гордостью.

— Давид, ты растёшь на глазах.

Мне стало тепло от этих слов.

— Те фарисеи, — сказал дедушка, — были не плохие люди. Пойми это, я тебя прошу. Их потом стали изображать злодеями, а это неправда. Они были самые старательные из всех. Они постились. Они молились. Они отдавали десятую часть всего, до последнего пучка укропа. Они очень старались быть хорошими.

— Тогда что с ними не так?

— То, что они на этом успокоились, — сказал дедушка. — Они смотрели на мытаря и думали: слава Богу, что я не такой. И в эту секунду дверь закрывалась.

— Какая дверь?

— Та, в которую входит врач. Понимаешь, к больному, который знает, что болен, врач войдёт. А к тому, кто заперся и кричит «я здоров», не войдёт никто.

Костёр горел ровно. Я долго молчал.

— Дедушка.

— М-м.

— А ты кто? Больной или праведник?

Дедушка ответил сразу, без раздумья:

— Я был праведником. Долго. И это было хуже всего, что со мной было.

— Почему хуже?

— Потому что праведнику не нужен Бог, — сказал дедушка. — Он и так доволен. Я двадцать лет ходил в синагогу и был уверен, что у меня всё в порядке с Богом. Мы с Ним, так сказать, в расчёте. Я делаю, что положено, Он мне не мешает.

Он усмехнулся.

— А потом Он посмотрел на меня на том берегу. И знаешь, что стало самым страшным?

— Что?

— Я вдруг понял, что я не в расчёте. Что я не здоров. Что под всем моим порядком — куча всего, что я прятал даже от себя. Помнишь, я говорил: меня увидели целиком.

— Помню.

— Вот тогда я перестал быть праведником и стал больным. И это, Давид, был лучший день. Потому что только больного можно вылечить.

Я смотрел в огонь и думал про отца. Про то, как он отсчитывал монеты мытарю, и какое у него было лицо.

— Дедушка.

— Что.

— А мытарь этот, наш, у дороги. Его тоже можно... ну... позвать?

Дедушка повернулся ко мне.

— Ты первый раз за все вечера спросил не про Него, а про живого человека рядом с тобой.

Я смутился.

— Я просто подумал.

— Хорошо подумал, — сказал дедушка. — Отвечу так. Матфей, который встал из-за стола, — он потом стал одним из двенадцати. Самых близких. Вор и предатель стал одним из тех, кому Он доверял больше всего.

— Правда?

— Правда. Так что наш Закхей у дороги — кто знает. Я бы на твоём месте не торопился ставить на нём крест.

Я подумал, что завтра, когда буду гнать овец мимо будки, посмотрю на него по-другому. И сам удивился этой мысли.

— А завтра о чём? — спросил я.

Дедушка помолчал.

— Завтра о девочке, — сказал он. — Которая умерла. И которую Он взял за руку.

Я вздрогнул.

— Умерла совсем?

— Совсем, Давид. Дом уже полон был плакальщиц. А Он вошёл и сказал, что она спит.

— А она?..

— Завтра, — сказал дедушка и укрыл огонь на ночь.

Глава 19. ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ СНОВА ОТКРЫЛА ГЛАЗА

Весь день я думал о том, что дедушка сказал вечером.

Умерла совсем.

Я гонял овец и возвращался к этим словам, как язык возвращается к больному зубу. У нас в селении умирали дети. Я знал это. Я помнил маленький свёрток у Мариам с нижней дороги. Смерть ребёнка была для меня не сказкой, а тем, что бывает по-настоящему, и от чего взрослые становятся серыми.

Поэтому вечером я не торопил дедушку.

Я даже немного боялся этого рассказа.

— Ты сегодня тихий, — сказал дедушка.

— Ты вчера сказал про девочку.

— Сказал.

Он сел, устроил ногу и долго смотрел в огонь.

— Я расскажу тебе про два чуда сразу, — сказал он. — Потому что они случились в один день и переплелись друг с другом. Так и было. Он шёл делать одно, а по дороге сделал другое.

— Как это?

— Слушай.

Он подбросил ветку.

— К Нему пришёл человек. Не мытарь, не рыбак. Важный человек. Его звали Иаир, и он был начальником синагоги.

— Это много?

— Это очень много. Это первый человек в городе по части веры. Тот, кто распоряжается в синагоге, кого все уважают, кто сидит на почётном месте. Такой человек не станет бегать за бродячим проповедником.

— А он побежал?

— Он не просто побежал. Он упал Ему в ноги. При всех. Начальник синагоги, на глазах у всего города, упал в пыль перед Иисусом.

— Почему?

Дедушка помолчал.

— Потому что у него умирала дочь. Единственная. Двенадцати лет.

Я притих.

— И знаешь, Давид, вот тут я понял одну вещь про горе. Оно никого не спрашивает, кто ты. Этот человек был важный, уважаемый, у него было положение, которое надо беречь. И всё это перестало для него существовать, когда девочка стала умирать. Он бы в пыли ползал перед кем угодно, лишь бы помогло.

— И что он сказал?

— Он сказал: дочь моя при смерти, приди, возложи на неё руки, и она будет жива.

Дедушка посмотрел на меня.

— И Иисус пошёл.

— Сразу?

— Сразу. Встал и пошёл за ним. И вся толпа повалила следом, потому что всем было интересно, что будет.

Он поворошил угли.

— И вот тут, по дороге, случилось второе. Из-за него всё чуть не сорвалось.

— Что случилось?

— В толпе была женщина. Больная. Двенадцать лет — заметь, снова двенадцать, — двенадцать лет у неё была болезнь, от которой она истекала кровью и не могла остановить.

Я не совсем понял, что это за болезнь, но по голосу дедушки было ясно, что тяжёлая.

— Двенадцать лет, — повторил дедушка. — Столько же, сколько девочке лет от роду. Пока девочка росла и жила, эта женщина медленно угасала. И вот что важно, Давид: по нашему закону такая женщина — нечистая. Как прокажённый. Ей нельзя в толпу. Нельзя касаться людей. Двенадцать лет её сторонились.

— Как того, прокажённого.

— Как того. Ты запоминаешь, я вижу. Ещё одна, к кому нельзя прикоснуться.

Дедушка развёл руками.

— Она потратила на врачей всё, что имела. Так и сказано: много потерпела от врачей и истратила всё, и не стало ей лучше, а сделалось хуже. Ты представь: двенадцать лет, все деньги, все надежды, и с каждым годом хуже.

— И что она сделала?

— Она пробралась в толпу. Тайком. Ей нельзя было там быть, и она это знала. Она пряталась. И думала про себя: если хоть к одежде Его прикоснусь, выздоровею.

— Не к Нему? К одежде?

— К краю одежды. Она не смела больше. Она была нечистая, она боялась, что если её заметят — прогонят. Поэтому она подкралась сзади, в тесноте, протянула руку и тронула край Его плаща.

Дедушка замолчал.

— И остановилась кровь. Сразу. Она почувствовала телом, что здорова. После двенадцати лет.

— И она обрадовалась и убежала?

— Собиралась. Но Он остановился.

Дедушка поднял палец.

— Он остановился посреди толпы и спросил: кто прикоснулся ко Мне?

Я удивился.

— А разве Он не знал?

— Ученики то же самое сказали. Они даже удивились: Учитель, вокруг Тебя толпа, Тебя со всех сторон толкают, а Ты спрашиваешь, кто прикоснулся. Кто угодно.

— И правда.

— И правда. Но Он сказал: нет. Кто-то прикоснулся особенно. Он почувствовал разницу между тем, как толкает толпа, и тем, как коснулся один человек, которому очень нужно.

Дедушка посмотрел на меня.

— Давид, вот это я хочу, чтобы ты понял. Вокруг Него были сотни людей. Все толкались, все хотели, все тянулись. А Он выделил одну руку. Одно прикосновение. Помнишь, я тебе говорил про то, как Он смотрит не на толпу, а на человека?

— На берегу. В первый раз.

— Вот. Здесь то же самое. Из всей толпы Он почувствовал одну.

— И что женщина?

— Испугалась. Она поняла, что скрыть не удалось. И она вышла вперёд — при всех, а ей нельзя было при всех, — упала и рассказала всю правду. Всё как есть. Что нечистая, что двенадцать лет, что тайком, что всё истратила.

— И Он рассердился?

Дедушка покачал головой.

— Он назвал её дочерью.

Я поднял голову.

— Он сказал ей: дочь, вера твоя спасла тебя, иди с миром. Дочь. Понимаешь, Давид? Двенадцать лет её никто не хотел знать. А Он при всём народе назвал её дочерью.

Я молчал. Мне почему-то опять защипало глаза, как в тот вечер про прокажённого.

— Но пока это всё происходило, — сказал дедушка тихо, — время шло.

Я вдруг вспомнил, куда Он вообще шёл, и у меня внутри всё сжалось.

— Девочка, — сказал я. — Он же шёл к девочке.

— Он шёл к девочке, — сказал дедушка. — А тут задержка. И вот, пока Он говорил с женщиной, из дома Иаира пришли люди. И сказали ему: дочь твоя умерла. Что ещё утруждаешь Учителя.

Я замер.

— Не успел?

— Не успел. Пока спасал одну, умерла другая. Так это выглядело. Представь, что было с Иаиром. Он привёл Иисуса, он был почти у цели, оставалось немного — и вот эта женщина, эта задержка, и всё кончено. Наверное, он мог подумать: если бы не она, мы бы успели.

— И что Иисус?

— Иисус услышал эти слова. И сказал Иаиру одну вещь. Всего одну, но за неё этот человек, наверное, держался, как за верёвку над пропастью.

— Какую?

— Не бойся. Только веруй.

Костёр тихо горел.

— И они пошли дальше. К дому, где уже умерли.

Дедушка подтянул плащ.

— Ты был когда-нибудь в доме, где только что умер человек?

— Был, — сказал я тихо. — Когда бабушка.

Дедушка кивнул.

— Тогда ты знаешь этот звук.

— Знаю.

У нас когда умирает человек, приходят плакальщицы. Женщины, которые плачут громко, в голос, и играют на свирелях тонко и надрывно. Это положено. Дом наполняется плачем, и этот плач слышно на улице, и по нему сразу понимаешь, что случилось.

— Дом был полон этого, — сказал дедушка. — Плач, свирели, толпа. Всё уже началось. Все уже знали, что девочка мертва.

— И Он вошёл?

— Вошёл. И сказал странное. Он сказал: что смущаетесь и плачете? Девица не умерла, но спит.

Я нахмурился.

— Но она же умерла. Ты сам сказал — совсем.

— Умерла, — сказал дедушка. — И вот тут слушай, потому что это важно. Знаешь, как ответила толпа на Его слова?

— Как?

— Они засмеялись над Ним.

Я вздрогнул.

— Смеялись? Там?

— Смеялись. Так и сказано: и смеялись над Ним. Понимаешь, Давид, эти люди не были глупые. Они видели смерть много раз. Они точно знали, что девочка мертва, — их не обманешь, они всю жизнь обмывали покойников. И когда пришёл человек и сказал «она спит», им это показалось или глупостью, или насмешкой над горем. И они засмеялись зло, сквозь слёзы.

— А почему Он тогда сказал «спит»? Если она умерла?

Дедушка ответил не сразу.

— Я думал об этом всю жизнь, — сказал он. — И вот что я понял. Для нас смерть — это конец. Стена. Дальше ничего. А Он говорил о ней как о сне.

— Почему?

— Потому что из сна будят.

Слова упали в тишину.

— Понимаешь? — сказал дедушка. — Когда ты называешь что-то смертью, ты говоришь: всё, кончено, назад дороги нет. А когда ты называешь это сном, ты говоришь: это не навсегда. Отсюда можно вернуть.

— Но так может говорить только тот, кто...

Я не договорил.

— Договаривай, — сказал дедушка.

— Только тот, кто может разбудить, — сказал я тихо.

Дедушка посмотрел на меня долго.

— Вот, — сказал он. — Ты понял главное раньше, чем я рассказал конец.

Он выпрямился.

— Он выгнал всех. Всю толпу, всех плакальщиц, весь этот шум. Оставил только отца, мать и троих Своих учеников. Тишину сделал. И вошёл туда, где лежала девочка.

— И что?

— И взял её за руку.

Дедушка протянул руку к огню, как тогда, в рассказе про прокажённого.

— Опять рука, — сказал я шёпотом.

— Опять рука, — кивнул дедушка. — Он всё время касается, Давид. Мёртвой девочки по закону тоже нельзя касаться, как прокажённого, как той женщины. Кто коснётся мёртвого — нечист. А Он взял её за руку.

— И сказал что-нибудь?

— Сказал. И знаешь, эти слова сохранились так, как Он их сказал, на нашем домашнем языке, как говорят матери детям по утрам. Талифа куми. Это значит: девочка, встань. Или ещё нежнее: девочка, пора вставать.

Я не дышал.

— Так будят по утрам, — сказал дедушка тихо. — Так мать будит дочку. Пора вставать. Не «восстань, мёртвая». А «вставай, соня». Как будто Он зашёл в комнату утром.

— И она?..

Дедушка помолчал, и я видел, что он растягивает эту тишину нарочно, чтобы я почувствовал.

— Она открыла глаза, — сказал он. — И встала. И пошла.

Я выдохнул. Оказывается, я всё это время не дышал.

— Совсем живая?

— Совсем. И знаешь, что Он сказал после? Вот это меня добило, когда я услышал. После такого — воскресил мёртвую! — Он сказал: дайте ей есть.

Я растерялся.

— Есть?

— Есть. Понимаешь? Не «падите ниц», не «трепещите». А по-простому, по-домашнему: ребёнок ослаб, дайте девочке поесть. Он вернул её не в чудо, а в жизнь. В обычную, тёплую жизнь, где хочется есть и где мать сейчас захлопочет у очага.

Мы долго молчали.

Костёр почти прогорел.

— Дедушка, — сказал я наконец. — А почему тогда бабушка не встала?

Я сказал это и сам испугался. Но спросить было надо.

Дедушка не рассердился и не растерялся. Он как будто ждал этого вопроса.

— Я не знаю, Давид, — сказал он просто. — Я не буду тебе врать. Тех, кого Он воскресил, было немного. Их можно пересчитать. А умерло за это время без числа. И бабушка твоя умерла. И я не знаю, почему одних Он поднял, а других нет.

Он смотрел в огонь.

— Но одно я тебе скажу. То, что Он сделал с этой девочкой, Он сделал не для того, чтобы отменить смерть для всех прямо тогда. Он тогда поднял только одну. Это был как бы... знак. Обещание.

— Обещание чего?

— Того, что смерть — это сон. Для всех. Что придёт утро, когда Он войдёт и скажет всем «пора вставать». И бабушке твоей тоже.

— Когда?

— Об этом в конце, — сказал дедушка. — В самом конце, на острове у старика Иоанна. Я тебе уже обещал ту строчку.

— Больше не будет смерти.

— Ты запомнил.

— Я всё про это думаю.

Дедушка протянул руку и положил её мне на голову.

— Вот и думай, — сказал он. — Это хорошие мысли, Давид. Не бойся их.

Я лёг и закрыл глаза.

И перед сном мне представилось, как кто-то входит утром в комнату, где темно, и говорит очень спокойно, совсем не страшно:

Пора вставать.

Глава 20. ОВЦА, КОТОРАЯ ПОТЕРЯЛАСЬ

Одна пропала в тот же день.

К вечеру, когда я стал считать, вышло девяносто девять вместо ста.

Я пересчитал ещё раз. И ещё. Всё равно девяносто девять.

Это была молодая ярка, беспокойная, из тех, что вечно суют нос куда не надо. Я сразу понял, что не досмотрел.

У меня похолодело внутри. Я представил себе лицо отца. Овца — это деньги, это шерсть, это ягнята на будущий год. Потерять овцу — не то же, что разбить кувшин.

Дедушка увидел, что я мечусь, и спросил, в чём дело.

Я сказал.

Я думал, он будет ругаться.

А он посмотрел на небо — темнело быстро — и сказал:

— Овцы под стенкой, Кедар при них. Пойдём искать. Ты знаешь, где она любит лазить?

— У сухого русла. Там кусты.

— Идём.

И мы пошли. В темноту. Дедушка со своей больной ногой и с палкой, я впереди.

Мы искали долго. Я звал её, я лазил по кустам, я исцарапал руки. Один раз мне показалось, что я слышу блеяние, и мы пошли на звук, и это оказалась не она. Я чуть не заплакал от досады.

А потом Кедар — он всё-таки увязался за нами — вдруг насторожился и рванул вниз, к самому руслу.

Она застряла между камнями. Свалилась в промоину и не могла выбраться, и уже не блеяла, а только дрожала.

Дедушка не смог спуститься с ногой. Спустился я. Овца была тяжёлая и упиралась от страха, и я извожился весь, пока вытащил её и взвалил на плечи.

Она была тёплая и дрожала мне в шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.